

ЖОРЕС МЕДВЕДЕВ • РОЙ МЕДВЕДЕВ

НЕИЗВЕСТНЫЙ СТАЛИН

Рой Медведев
Неизвестный Сталин

«WebKniga»

2011

Медведев Р. А.

Неизвестный Сталин / Р. А. Медведев — «WebKniga», 2011

С распадом СССР были рассекречены многие архивы, у историков появилась возможность ознакомиться с новыми свидетельствами, документами, фактами, что спровоцировало небывалый поток литературы, в том числе и на тему «Сталин и сталинизм». Что же отличает «Неизвестного Сталина» Жореса и Роя Медведевых от остальных попыток исследователей раскрыть секреты великого вождя и его эпохи? Объективность. Авторы опираются исключительно на материалы архивов. К ранее изданному «Неизвестному Сталину», который уже переведен на двенадцать языков, добавлены новые разделы.

Содержание

Предисловие к четвертому изданию	5
Часть 1. Сталин после Сталина	8
Загадки смерти Сталина	8
Болезнь или заговор?	8
Здоровье Сталина. 1923–1940 годы	9
Рабочий режим Сталина	11
Начало серьезных заболеваний	11
1-2 марта 1953 года. Свидетельства очевидцев	13
1-2 марта 1953 года. Дополнительные детали	17
1-2 марта 1953 года. Внезапный конец «дела врачей»	20
С. Д. Игнатьев. Организатор террора, сохранивший свою жизнь	23
2 марта 1953 года. Два заговора	24
2-5 марта 1953 года. Политика и медицина. Смерть Сталина	27
Секретный наследник Сталина	31
Завещание Сталина	31
Начало реализации завещания Сталина	33
Проблемы преемственности власти в СССР	38
Главный хранитель культа Сталина	42
Личный архив Сталина. Засекречен или ликвидирован? Факты и гипотезы	47
Архивы Ленина и Сталина	47
Косвенные данные о ликвидации личного архива Сталина	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Жорес Александрович Медведев, Рой Александрович Медведев Неизвестный Сталин

Предисловие к четвертому изданию

Третье издание нашей книги «Неизвестный Сталин» вышло в свет в 2007 году и было быстро реализовано. Оно было существенно расширено в сравнении с первыми изданиями книги 2001 и 2002 годов. Новые книги были опубликованы также в Сербии, в Японии и в Китае.

За период с 2007 по 2010 гг. в распоряжение историков не было представлено почти никаких новых документов и свидетельств о жизни и деятельности И. В. Сталина. Не слишком расширился и круг наших знаний о жизни Советского Союза в 1920—1950-х годах. Однако именно в последние три года интерес, если не исследователей, то широкой общественности к фигуре Сталина неожиданно вырос. И на телевидении, и во всех печатных и электронных СМИ прошло несколько дискуссий о Сталине. Были изготовлены и показаны несколько не столько художественных, сколько коммерческих сериалов о Сталине. Но и среди художественных фильмов последнего времени наибольший успех выпал на долю фильмов о Великой Отечественной войне, а также о советской действительности до и после войны. Временам Сталина было посвящено и несколько театральных постановок. При обсуждении новой серии учебников по истории России для средней школы наибольшую полемику вызвали разделы о Сталине и его роли в российской и советской истории. Многих наблюдателей удивляет противоречивость и резкость откликов общества как на осуждение, так и на восхваление Сталина. Несомненный успех сопутствовал телевизионным фильмам, которые были поставлены по книгам Александра Солженицына и Варлама Шаламова. И тем не менее во многих российских городах было весьма широко отмечено 130-летие со дня рождения Сталина. Иностранных корреспондентов в Москве удивил тот размах, с которым юбилей Сталина был отмечен 21 декабря 2009 года. Сотни людей принесли цветы на могилу Сталина близ Кремля. В большом зале гостиницы «Измайловская» собралось более двух тысяч человек; здесь звучали стихи и здравицы в честь Сталина, а знаменитые актрисы пели под звуки военного оркестра. Согласно опросу ВЦИОМа, проведенному в эти же дни, 54 % граждан России высоко оценили организационные способности Сталина и его роль в Великой Отечественной войне. Этот результат был выше, чем при опросах 5 или 10 лет назад. На вопрос, прозвучавший в одной из телепередач и обращенный к публике, – «Сталин с нами?» более 30 % зрителей ответили положительно: «Да, с нами». В большом телевизионном шоу «Имя России», проведенном более года назад, имя Сталина оказалось на третьем месте – из 500 имен.

Некоторые из деятелей российской оппозиции объясняют этот необычный феномен популярности Сталина политикой нынешнего российского руководства. «Государство намекает, – заявил один из лидеров этой оппозиции, – что сталинская тактика входит в его нынешний арсенал для контроля над страной». Но это не так. Еще 30 октября 2007 года в День памяти жертв политических репрессий, установленный не государством, а общественной организацией «Мемориал», президент В. В. Путин впервые и вместе с Патриархом Алексием II прибыл на бывший Бутовский полигон НКВД недалеко от МКАД. Здесь в 1937–1938 гг. проводились массовые расстрелы людей, незаконно осужденных за их якобы «антисоветскую деятельность» или за одни лишь критические высказывания. Среди жертв этого террора в Бутово захоронены и тела более чем тысячи священников, а общее число убитых и захороненных на полигоне превышает 20 тысяч человек. Алексей II совершил здесь поминальную службу, а Владимир

Путин сказал: «Все мы хорошо знаем, что хоть 1937 год и считается пиком репрессий, этот год был хорошо подготовлен предыдущими годами жестокости, – достаточно вспомнить расстрелы заложников в годы Гражданской войны, уничтожение целых сословий, духовенства, раскулачивание крестьян, уничтожение казачества. Такие трагедии повторялись в истории человечества не однажды. Это случалось тогда, когда привлекательные на первый взгляд, но пустые идеалы ставились выше основной ценности, ценности человеческой жизни, прав и свобод человека. Для нашей страны это особая трагедия, потому что масштаб колоссальный. Уничтожены были и сосланы в лагеря, расстреляны, замучены сотни тысяч, миллионы человек. Причем это были люди со своим собственным мнением, люди, которые не боялись его высказывать. Это цвет нации. И мы, конечно, долгие годы, до сих пор ощущаем эту трагедию на себе. Много нужно сделать, чтобы эта трагедия никогда не забывалась, чтобы о ней помнили»¹. Ровно через два года – 30 октября 2009 года – президент России Дмитрий Медведев разместил в своем видеоблоге материал – «Память о национальных трагедиях так же священна, как и память о победах». В своих комментариях, которые передавались как в интернете, так и по главным каналам российского телевидения, Дмитрий Медведев не только осудил ужасы сталинских чисток, но также призвал к созданию музейно-мемориальных центров, посвященных зверствам того времени, и к продолжению работ по поиску мест массовых захоронений. Он посетовал, что многие молодые люди почти ничего не знают о сталинских репрессиях и не могут назвать даже двух-трех фамилий известных людей, пострадавших или погибших в тот период. «До сих пор можно слышать, – заявил Медведев, – что эти многочисленные жертвы были оправданы некими высшими государственными целями. Но ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни. И репрессиям нет оправданий».

Российское общество слабо отреагировало на эти слова и на эти сигналы. Для значительной части российского общества Сталин остается позитивной, а не негативной фигурой нашей российской истории. В чем дело? Этому много причин, но главная, на наш взгляд, лежит в тех очень больших и глубоких изменениях, которые произошли в последние 20 лет как на советском, так и на постсоветском пространстве. Поражение Советского Союза в «холодной войне» привело не только к распаду СССР. Оно сопровождалось не только болезненными унижениями для российского общественного и национального сознания, но и крайне тяжелыми материальными и человеческими потерями. Только экономика Российской Федерации потеряла в 1991–1999 гг. около 40 % своей производственной мощи и своих активов. Примерно вдвое снизился и жизненный уровень населения страны и особенно его старших поколений. Потери в Украине или в республиках Средней Азии были еще большими. Средняя продолжительность жизни российских граждан снизилась за период с 1986 по 2001 гг. на пять лет – для мужчин до 58,5 лет. Это означает, что более чем 10 миллионов российских мужчин и женщин ушли из жизни раньше тех сроков, которые им обеспечивал уровень жизни в последние 10 лет существования СССР. В основном это были люди военных поколений, в том числе и ветераны и участники войны. Во многих отношениях потери «лихих» 1990-х годов были более тяжелыми, чем потери в годы Великой Отечественной войны, которая кончилась не поражением, а победой. Нет поэтому ничего удивительного в том, что общественное сознание нашего народа в мучительных поисках новой национальной и государственной самоидентификации обращается не к празднику российского суверенитета 12 июня, а к празднику Победы 9 мая; и не к фигурам Б. Ельцина, М. Горбачева или Н. Хрущева, а к фигуре Сталина, а также к фигурам Брежнева и Андропова. Именно победа советского народа в Великой Отечественной войне и участие СССР в послевоенном устройстве мира отпечатались в национальном сознании русских людей как главные события в истории России в XX веке, а во многих отношениях

¹ Время новостей. 2007. 31 окт.

и во всей российской истории. Но эти события в этом же национальном сознании невозможно отделить от имени и деятельности Сталина.

Конечно, никакими соображениями нельзя оправдать незаконные репрессии и массовый террор, который также связан с именем и деятельностью Сталина. Историк обязан оценивать прошедшие эпохи во всей их противоречивой сложности, ибо именно из такого трудного прошлого вырастает как наше трудное настоящее, так и наше, может быть, лучшее будущее.

Это лишь часть соображений, которые побудили нас предложить читателю новое издание нашей книги.

Жорес и Рой Медведевы.

15 января 2010 г.

Часть 1. Сталин после сталина

Загадки смерти Сталина

Болезнь или заговор?

Предположения о том, что Сталин умер преждевременно, в результате заговора и отравления каким-то медленно действующим ядом, очень распространены. Наиболее подробную теорию убийства Сталина Берией разработал А. Авторханов еще в 1976 году². С тех пор появилось множество вариантов этой теории. Последний из них можно найти в недавней биографии Сталина, написанной Эдвардом Радзинским с использованием ранее засекреченных архивных документов³. Однако никаких фактов в пользу этих теорий никогда не было найдено. Смерть Сталина не была неожиданной. Его здоровье ухудшалось очень заметно именно в 1951–1952 годах. Никакой медицинской помощи он не получал и даже не подвергался медицинским обследованиям. Его хронические заболевания, прежде всего гипертония, атеросклероз и ревматические боли в мускулах, прогрессировали. С конца 1952 года возникли неизвестные проблемы в легких, в связи с чем Сталин неожиданно прекратил курение. Все это указывало на приближение конца. Однако именно это приближение конца, очевидное и для самого Сталина, делало его все более и более опасным для окружающих соратников и для всей страны.

В этот период февраля-марта 1953 года Сталин торопился завершить судами и приговорами две наиболее необычные даже для СССР репрессивные кампании, в ходе которых уже были арестованы сотни людей. В прошлом сталинский террор был в основном политическим. Репрессивные акции национального характера, такие, как выселение мусульманских народов с Северного Кавказа и из Крыма, проводились тайно, без широких политических кампаний. В 1952 году националистические репрессивные кампании были открытыми. Одна из них носила антисемитский характер и формировалась вокруг «сионистско-американского заговора», привязанного к «делу врачей». Вторая была антигрузинской, вернее антимингрельской, связанной с «раскрытием» в Грузии якобы заговора с целью ее отделения от СССР.

Уже было очевидно, что завершение этих репрессивных кампаний будет неизбежно связано с изменениями руководства в СССР. Молотов, Микоян и Ворошилов лишились политического влияния в конце 1952 года и не входили в ближайшее окружение Сталина. Следующей группой соратников, над которыми нависла угроза, были Маленков, Берия и Каганович. Их судьба могла решиться в течение нескольких недель. Болезнь и смерть Сталина были для всех этих лидеров спасением. Именно на этом очевидном факте основываются и теории убийства Сталина в результате заговора в среде его ближайших соратников, советского варианта «дворцового переворота». Косвенным свидетельством в пользу заговора служит официальная фальсификация в правительственном сообщении даты случившегося у Сталина кровоизлияния в мозг, а также места, где это произошло (дача в Кунцеве, а не кремлевская квартира, как сообщили населению страны). В пользу теории заговора говорит и неоправданно длительная, многочасовая задержка вызова врачей к больному Сталину.

Я возвращаюсь здесь к проблеме болезни и смерти Сталина для того, чтобы отметить высокую вероятность предположений о наличии заговора, а следовательно, показать необоснованность теории убийства. Но это был не длительно подготавливаемый заговор, а заговор,

² Авторханов А. Загадка смерти Сталина. Заговор Берия. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1976.

³ Радзинский Э. Сталин. М.: Вагриус, 1997.

стихийно возникший уже в связи с фатальной болезнью Сталина. Этот заговор был направлен не против самого Сталина, потерявшего власть вместе со своим сознанием после парализовавшего его обширного инсульта. Его ближайшие соратники объединились для того, чтобы вернуть себе ту власть, которой они лишились в октябре 1952 года в результате решений XIX съезда КПСС, создания расширенного Президиума ЦК КПСС и ликвидации прежнего Политбюро. В короткий период времени между инсультом у Сталина 1 марта 1953 года и вызовом к нему врачей утром 2 марта было произведено новое распределение власти в стране двумя конкурирующими между собой группами: Маленкова – Берии и Хрущева – Булганина. Борьба между ними предотвратила появление в стране после смерти Сталина одного лидера-вождя и положила начало сложной внутрипартийной борьбе 1953–1957 годов. Именно этот период нестабильности привел к тем кризисам в КПСС (арест Берии и его группы, доклад Хрущева о культе личности, ликвидация «антипартийной группы» Молотова, Маленкова, Ворошилова, Кагановича и Булганина, а затем и смещение маршала Г. К. Жукова), которые в конечном итоге подорвали авторитет КПСС и привели к ее исторической деградации.

Здоровье Сталина. 1923–1940 годы

Весной 1923 года молодой Анастас Микоян, который в 27 лет был уже секретарем Северо-Кавказского краевого комитета РКП (б), приехав в Москву, навестил Сталина в его кремлевской квартире. Рука Сталина, как свидетельствует Микоян в своих воспоминаниях, была забинтована. «Рука болит, – объяснил Сталин, – особенно весной. Ревматизм, видимо. Потом проходит». На вопрос, почему он не лечится, ответил: «А что врачи сделают?»⁴ Микоян уговорил Сталина поехать лечиться в Сочи, на мацестинские горячие сероводородные ванны, которые уже в течение многих десятилетий считались хорошим лечебным средством именно при болезнях суставов. Осенью того же года Сталин, послушавшись Микояна, поехал в Сочи.

У Сталина действительно периодически болели мышцы рук и ног. Он полагал, что это ревматизм, который он получил в результате четырехлетней ссылки в Восточную Сибирь. Так оно, по-видимому, и было. Мацестинский курорт помог Сталину, и боли в мышцах почти исчезли. Но это было временное облегчение. Радикального выздоровления при ревматоидных и артритных заболеваниях не бывает и в наши дни. Сталин стал приезжать в Мацесту каждый год. Первые годы он во время приездов в Сочи жил в отдельном доме, выбранном для него Микояном. Но в 1926 году для Сталина оборудовали помещение в санатории в Старой Мацесте. Главным врачом этого санатория был врач-курортолог Иван Владимирович Валединский. Краткие записи Валединского о встречах со Сталиным, опубликованные недавно, дают наиболее ясную картину здоровья Сталина до 1940 года⁵.

Осмотр Сталина, произведенный тремя врачами, не обнаружил никаких отклонений от нормы. Сталин тем не менее прошел полный курс мацестинских теплых сероводородных ванн от естественных горячих источников. Это ему помогло. Однако в 1927 году Сталин снова приехал в Мацесту, уже в конце ноября и с теми же жалобами. Он провел на курорте почти весь декабрь. Перед началом курса сероводородных ванн было проведено тщательное обследование здоровья пациента, включавшее рентгеновские снимки легких и кардиограмму сердца. Было измерено и кровяное давление. Все оказалось в норме. Сталину тогда было 48 лет. Лечебные ванны опять помогли ему. В 1928 году Сталин не брал отпуск и оставался весь год в Москве. В 1929 году Сталин уехал отдыхать на юг и начале августа, сначала в Нальчик, а затем в Сочи. Чувствовал он себя плохо – только в письме от 29 августа Молотову сообщил: «Начинаю поправляться». Еще через месяц Сталин писал в Москву: «Думаю остаться в Сочи еще

⁴ Из воспоминаний А. И. Микояна // Совершенно секретно. 1999. № 10. С. 25.

⁵ Валединский И. В. Воспоминания о встречах со Сталиными. В. // Источник. 1998. № 2. С. 68–73.

неделю». В 1930 и 1931 годах Сталин также удлинял свой отпуск на юге до двух месяцев, уезжая в начале августа и возвращаясь в Москву в начале октября. К нему в санаторий приезжали с длительными визитами некоторые друзья, особенно часто Ворошилов, Киров и Горький. В Москве в это время председательствовал на заседаниях Политбюро Молотов, Сталин регулярно отправлял ему с фельдьегерской службой записки – инструкции по очень многим проблемам. Записка от 13 августа 1930 года кончалась припиской: «P.S. Помаленьку поправляюсь». Через месяц, 13 сентября, Сталин уже сообщал Молотову: «Я теперь вполне здоров». В 1931 году Сталин побывал и в Цхалтубо. Он писал Молотову в записке от 21 августа: «Вода здесь оказалась замечательная. Ей-ей. Расскажу подробно, когда увидимся»⁶.

К этому времени Сталин уже сделал Валединского своим личным врачом не только во время пребывания на юге, но и в Москве, где по распоряжению Сталина Валединскому была подарена пятикомнатная квартира. Валединский также был назначен медицинским руководителем по развитию курортов Цхалтубо.

Благодаря особому вниманию Сталина все Черноморское побережье Кавказа интенсивно развивалось именно как курортное. Здесь были открыты десятки новых минеральных лечебных источников и построены многочисленные санатории и дома отдыха. Появились заводы по производству минеральной воды в бутылках для продажи по всей стране.

В 1936 году, в декабре, Валединский был вызван к Сталину на дачу в Кунцево по поводу заболевания ангиной, сопровождающейся высокой температурой. В осмотре больного участвовали также профессор В. Н. Виноградов, кардиолог, и профессор Б. С. Преображенский, специалист по заболеваниям горла. Сталин встретил Валединского как старого друга и спросил его о работе недавно созданного Всесоюзного института экспериментальной медицины. При этом Сталин заметил, что ученые ВИЭМ «много занимаются теорией, мало дают в практику и не занимаются проблемой продления жизни»⁷. Вскоре после этого замечания, переданного руководству ВИЭМ, проблема продления жизни стала приоритетной в исследованиях советской медицины. В 1937 году профессор Александр Богомолец, директор Института физиологии в Киеве, основал постоянную экспедицию при Академии наук Украинской ССР для исследования уникального феномена долгожительства в Абхазии и в Грузии. Сталин верил в легенды о том, что кавказцы живут особенно долго благодаря горному климату, талой ледниковой воде и особенностям своей диеты, богатой мясом, молочными продуктами, овощами и фруктами, но бедной хлебными изделиями. «Живую» воду ледниковых ручьев регулярно привозили Сталину в Москву. Сталин считал, что испарения древесины улучшают качество воздуха. Поэтому все комнаты, где жил и работал Сталин, в Кремле и на дачах, были обшиты деревом и не покрывались краской. На даче в Кунцево под Москвой и на других его дачах у Сталина была личная русская баня с парной и русская печь. Несмотря на центральное отопление, зимой часто разжигались камины. При появлении болей в суставах или в мышцах Сталин забирался полежать на русской печи. Эту привычку он сохранил до конца жизни.

Валединский в последний раз осматривал Сталина 13 февраля 1940 года, опять по поводу инфекции горла. У Сталина была повышенная температура, но он работал. Именно в эти дни шли ожесточенные бои на советско-финском фронте. На рабочем столе у Сталина была разложена карта Финляндии. Он познакомил врачей с ходом военных действий и, стукнув карандашом по столу, сказал: «На днях будет взят Выборг». Выборг был, однако, взят только через месяц.

Профессор И. В. Валединский в 1944 году перешел на работу в подмосковный правительственный санаторий «Барвиха», где он стал главным врачом. Личным врачом Сталина по его же выбору был назначен профессор Владимир Никитович Виноградов, специалист по сосу-

⁶ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову, 1925–1936. Сб. док. М: Россия молодая, 1995. С. 139, 156, 158, 197, 217, 257.

⁷ Валединский И. В. Воспоминания... С. 70.

дисто-сердечным заболеваниям. Это было связано с новыми проблемами в состоянии здоровья Сталина. У него появились признаки гипертонии и атеросклероза.

Рабочий режим Сталина

Сталин, как известно, работал в Кремле в основном вечером и часто до глубокой ночи. Приезжая в Кремль, он сначала просматривал и подписывал документы, а затем проводил различные совещания и заседания. Каждый день кабинет Сталина посещали от 5–6 до 20–22 человек. Уже далеко за полночь, иногда после просмотра кинофильма, Сталин уезжал на «ближнюю» дачу в Кунцево, где после обильного ужина ложился спать в 3 или 4 часа утра. Уже в кровати просматривал некоторые книги из своей библиотеки. Вставал Сталин между 10 и 11 часами утра. После легкого завтрака работал с бумагами, решал некоторые проблемы по телефону и беседовал с вызванными на дачу посетителями. Такой режим развивался постепенно. В 20-е годы Сталин появлялся в своем кремлевском кабинете уже с утра, тем более что его квартира находилась рядом. На дачу он с семьей выезжал лишь летом. После дневного обеда Сталин любил, как все южане, немного поспать. Затем он продолжал прием в кремлевском кабинете, заканчивая работу к 7–8 часам вечера. В этот период у Сталина была нормальная семья, двое сыновей и дочь, и это, в основном, определяло и нормальный образ жизни.

После самоубийства жены в 1932 году режим Сталина резко изменился. Он уже не мог жить в кремлевской квартире и на своей старой даче в Зубалове. Для Сталина в 1934 году построили новую дачу в подмосковном районе Кунцево в лесном массиве. Поездка на дачу из Кремля занимала не больше 15 минут. В Кремль Сталин приезжал теперь только один раз, в 17–18 часов, и работал до 22–23 часов, иногда и позже. Ночевать всегда уезжал и в Кунцево и на поздний ужин, который он называл обедом, часто приглашал своих друзей и партийных соратников. За обедом решались и государственные проблемы. Во время таких обедов поглощалось много алкоголя, но Сталин, по многим свидетельствам, пил только грузинские вина. Употребление вина было для Сталина своеобразным средством от мучившей его бессонницы. Алкоголь как снотворное иногда рекомендуется и врачами.

Во время войны в 1941–1945 годах этот режим сохранялся, но периоды сна еще больше сократились. Важные решения нередко нужно было принимать в любое время дня и ночи. Никаких выходных дней или отпусков не было. Сталин работал в Кремле и на даче по 14–15 часов каждый день. Дача стала филиалом Ставки, и сотрудники Генерального штаба часто докладывали обстановку на фронтах именно здесь. На территории дачи был быстро сооружен большой подземный бункер с рабочими кабинетами. По внешнему периметру дачи располагалась дальнобойная морская зенитная артиллерия. Во время налетов немецкой авиации на Москву пушки грохотали всю ночь. Непосредственно на территории дачи было несколько установок зенитных пулеметов на случай возможного выброса немецкого десанта. В течение трех-четырех месяцев конца 1941 и начала 1942 года основной рабочий кабинет Сталина в Москве также был перенесен под землю в районе станции метро «Кировская».

Начало серьезных заболеваний

Первый микроинсульт произошел у Сталина между 10 и 15 октября 1945 года. Однако никаких медицинских деталей о характере заболевания не сохранилось. Не исключено, что это был не инсульт, а гипертонический криз, то есть резкое повышение кровяного давления, которое может сопровождаться спазмами сосудов головного мозга, временной потерей сознания и частичным временным параличом.

В Кремлевской больнице существовала «история болезни Сталина», в которую записывались данные о здоровье Генсека за многие годы. Любая больница имеет медицинское «досье»

на каждого из своих постоянных пациентов, это обычная медицинская практика. Однако после ареста личного врача Сталина В. Н. Виноградова в 1952 г. все медицинские документы о Сталине были уничтожены по его же личному распоряжению. Сталин не хотел, чтобы объективные данные о состоянии его здоровья могли быть кому-либо известны.

Дочь Сталина Светлана в своих воспоминаниях пишет, что осенью 1945 года «отец заболел и болел долго и трудно»⁸. О характере заболевания Светлана ничего не знала, так как ей не разрешали ни посещать отца, ни звонить ему по телефону. Сталину нельзя было звонить больше месяца, и это породило слухи о том, что у него наблюдалась временная потеря речи.

Сталин выздоравливал от своего недуга в одном из санаториев Сочи. Он не звонил в Москву, но отправлял письма в Политбюро. При микроинсультах или гипертонических кризах больной обычно выздоравливает, но без полного восстановления работоспособности. Симптомы болезни проходят, но причины, ее вызвавшие, остаются. Больному поэтому рекомендуют изменить режим и уменьшить объем работы. Надежных медицинских средств для стабильного снижения кровяного давления в 1945 году еще не было. Врачи рекомендовали обычно отдых, а при бессонницах – снотворное. Снотворное Сталин не стал принимать, но объем своей работы уменьшил.

С 1946 года Сталин стал реже появляться в Кремле и не оставался там надолго. Часто посетители приглашались к нему лишь в 20, 21 или даже в 22 часа, и совещания продолжались не более 2–3 часов. Для решения текущих проблем посетителей иногда приглашали днем на дачу или вечером на обед. Был сокращен поток бумаг, которые требовали визы или подписи Сталина. По свидетельству дочери Светланы, Сталин после болезни в 1945 году большую часть времени проводил в лесном парке, в центре которого и была построена его кунцевская дача. В парке ему поставили несколько беседок со столиками. «Он целыми днями вот так перемещался по парку, ему несли туда бумаги, газеты, чай, в этом проявлялся его рационализм: последние годы ему хотелось здоровья, хотелось дольше жить»⁹.

Осенью 1946 года Сталин, впервые с 1937 года, уехал отдыхать на юг. Отпуск был удлинен до трех месяцев и начался в Крыму. В 1949 году специально для Сталина был выстроен большой санаторный комплекс на берегу горного озера Рица в Абхазии. Сталин теперь мог несколько месяцев в году жить в горах, на высоте почти 1 000 метров над уровнем моря.

Светлана последний раз приезжала к отцу на дачу в Кунцево 21 декабря 1952 года. Это был его официальный день рождения, ему исполнилось 73 года. «Он плохо выглядел в тот день. По-видимому, он чувствовал признаки болезни, может быть, гипертонии, так как неожиданно бросил курить и очень гордился этим – курил он, наверное, не меньше пятидесяти лет»¹⁰.

Светлана обратила внимание и на то, что у отца изменился цвет лица. Обычно он всегда был бледен. Сейчас лицо стало красным. Светлана правильно предполагает, что это был признак сильно повышенного кровяного давления. Осмотр Сталина уже никто не проводил, его личный врач был в тюрьме.

Сталин бросил курить из-за симптома «нехватки воздуха для дыхания» и болей в легком. Это были признаки начинавшейся эмфиземы легких или хронического бронхита. Однако резкое прекращение курения у людей, ставших зависимыми от никотина, ведет к физиологическим и психологическим изменениям, продолжающимся несколько месяцев. Нарушения обмена веществ ведут к отложениям жира. Возникает усиление раздражимости, и появляется трудность концентрации внимания. Всегда худощавый, Сталин прибавил в весе именно в начале 1953 года. Увеличение веса, в свою очередь, ведет к повышению кровяного давления.

⁸ Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М.: Известия, 1990. С. 114.

⁹ Там же. С. 20–21.

¹⁰ Там же. С. 156.

Процесс разрушения организма можно было замедлить условиями полного покоя и санаторного режима. Однако осенью и зимой 1952 года Сталин, впервые в послевоенный период, отказался от отпуска, несмотря на большую дополнительную рабочую нагрузку, которая была связана в октябре с организацией и проведением XIX съезда КПСС. Сразу после съезда, сформировавшего новую структуру партийного руководства, Сталин стал ускорять проведение двух обширных репрессивных кампаний, известных в последующем как «дело врачей-сионистов» и «мингрельское дело», завершение которых предполагало и новые изменения в высшем партийном и государственном руководстве. В ноябре и декабре 1952 года наиболее частыми посетителями кремлевского кабинета Сталина были министр госбезопасности С. Д. Игнатьев и его заместители С. А. Гоглидзе, В. С. Рясной и С. И. Огольцов.

В первой половине февраля 1953 года Сталин встречался с несколькими работниками госбезопасности по вопросам реорганизации зарубежной разведки. Среди вызванных к Сталину был генерал Павел Судоплатов, в то время заместитель начальника Первого (разведывательного) управления МГБ. В недавно изданных воспоминаниях Судоплатов пишет: «Я был очень возбужден, когда вошел в кабинет, но стоило мне посмотреть на Сталина, как это ощущение исчезло... Я увидел уставшего старика. Сталин очень изменился. Его волосы сильно поредели, и хотя он всегда говорил медленно, теперь он явно произносил слова как бы через силу, а паузы между словами были длиннее»¹¹.

1-2 марта 1953 года. Свидетельства очевидцев

В последний раз Сталин вел прием в своем кремлевском кабинете вечером 17 февраля 1953 года. С 20 часов до 20 часов 30 минут у него получила аудиенцию делегация из Индии во главе с послом Индии в СССР К. Меноном. В 22 часа 15 минут к нему пришли Булганин, Берия и Маленков, но с очень коротким визитом, продолжавшимся лишь 15 минут. 27 февраля 1953 года Сталин приезжал в Большой театр на балет «Лебединое озеро». 28 февраля, в субботу, Сталин приехал вечером в Кремль, но не для работы, а на просмотр кинофильма. В этот же вечер он пригласил на ужин в Кунцево своих наиболее частых посетителей: Хрущева, Булганина, Маленкова и Берия. Этот ужин начался около полуночи и закончился лишь к 4 часам утра в воскресенье 1 марта. По свидетельству Хрущева, Сталин во время ужина был в хорошем настроении и казался вполне здоровым.

В воскресенье 1 марта Хрущев ожидал нового приглашения от Сталина. Такие приглашения, именно в воскресенье, стали традицией, так как по воскресеньям, когда все отдыхали, Сталин страдал от одиночества. «Когда он просыпался, то сейчас же вызывал нас (четверку) по телефону, или приглашал в кино, или заводил какой-то разговор, который можно было решать в две минуты, а он его растягивал». Хрущев не стал даже есть дома днем: «...Целый день не обедал, думал, может быть, он позовет пораньше? Потом все же поел. Нет и нет звонка»¹².

Сын Хрущева, Сергей, в то время студент, живший с родителями, в своих воспоминаниях об отце подтверждает эту картину: «Отец не сомневался, что Сталин не выдержит одиночества выходного дня, затребует их к себе. Обедать отец не стал, пошел пройтись, наказав: если позвонят оттуда, его немедленно позвать... Звонка отец так и не дождался... Стало смеркаться. Он перекусил и засел за бумаги. Уже совсем вечером позвонил Маленков, сказал, что

¹¹ Судоплатов П. Разведка и Кремль. М.: Гея, 1996. С. 389.

¹² Хрущев Н. С. Воспоминания. М., 1999. С. 127, 389. Это издание в 4-х томах – полный текст воспоминаний Хрущева, записанных в 1970 году на магнитофонную пленку. На базе этого обширного, но «сырого» материала публиковалось в 1971 году сокращенное английское издание и в 1997 году – русское. В них есть некоторые расхождения, вносившиеся переводчиками и редакторами.

со Сталиным что-то случилось. Не мешкая, отец уехал»¹³. В Москве в конце февраля начинает смеркаться примерно в 17.30. Маленков звонил Хрущеву около 23 часов.

В воскресенье 1 марта в служебном помещении дачи, примыкавшем к комнатам, где жил Сталин, с 10 часов утра дежурили старший сотрудник для поручений при Сталине, подполковник МГБ Михаил Гаврилович Старостин, помощник коменданта дачи Петр Лозгачев и подавальщица-кастелянша Матрена Петровна Бутусова, о которой Хрущев пишет как о «преданной служанке Сталина, работавшей на даче много лет». Были здесь и другие сотрудники, повара, садовник, дежурный библиотекарь, все, к кому Сталин мог обратиться с той или иной просьбой.

Собственно охрана дачи, составлявшая особое подразделение МГБ, осуществляла охрану территории, подходы и подъезды к даче. Между двумя высокими глухими деревянными заборами высотой более трех метров вокруг всей территории дежурили патрули с собаками. Всю территорию окружали ров и колючая проволока. Возле ворот для въезда на территорию дачи была «дежурная» – помещение для старших офицеров охраны. Проверка приезжавших была очень тщательной. С Можайского шоссе недалеко от Поклонной горы был поворот к даче Сталина. Дорога здесь была перекрыта шлагбаумом, который дежурные офицеры охраны открывали только для правительственных машин. Вторая проверка была у ворот, третья – при входе на дачу. Здесь дежурил работник охраны в военной форме полковника государственной безопасности. К территории дачи примыкало двухэтажное здание, жилое помещение или казарма для рядовых охранников, рассчитанная примерно на сто солдат и офицеров.

Все комнаты дачи и ее дежурных помещений были связаны внутренней телефонной системой – домофоном. Аппараты домофона имелись во всех комнатах Сталина, даже в ванной и туалете. По домофону Сталин заказывал себе еду или чай, просил принести газеты, почту и т. д. Кроме домофона почти все комнаты, где мог находиться Сталин, имели телефоны прямой телефонной связи и телефоны обычной московской коммутаторной сети.

В СССР более ста человек – члены Политбюро, наиболее важные члены правительства, министры МГБ и МВД, военный министр, начальник Генерального штаба, заведующие основными отделами ЦК КПСС, первые секретари обкомов и партийные лидеры республик, командующие пограничными военными округами, секретари ЦК КПСС и некоторые другие государственные и партийные деятели – были связаны между собой двумя или тремя линиями правительственной связи и могли звонить напрямую Сталину в случае срочной необходимости.

Без особой нужды Сталину, конечно, никто не звонил, и, судя по рассказам дежуривших на даче Старостина и Лозгачева, в воскресенье 1 марта телефонных звонков Сталину не было. Эдвард Радзинский записал рассказ Петра Лозгачева о последовательности событий этого дня. К 10 часам утра «прикрепленные» и обслуживающий персонал собрались на кухне, ожидая звонка от Сталина. Сталин обычно давал первые распоряжения между 10 и 11 часами утра. Завтрак в так называемую малую столовую Сталина относил Бутусова. 1 марта все было иначе. Рассказывает Лозгачев: «В 10 часов в его комнатах – нет движения. Но вот пробило 11 – нет, и в 12 тоже нет. Это уже было странно»¹⁴.

Выражение «нет движения» отражает тот факт, что в комнатах Сталина в дополнение к телефонам была особая система сигнализации, позволявшая охране следить за тем, в какой из нескольких комнат находился Сталин в тот или иной момент.

В каждую дверь и в мягкую мебель были вделаны особые датчики. (После смерти Сталина, когда решался вопрос о возможном превращении дачи в Кунцево в Музей И. В. Сталина, на дачу приехала группа сотрудников Института Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина. Е.

¹³ Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Кризисы и ракеты. Т. 1. М.: Новости, 1994. С. 24.

¹⁴ Радзинский Э. Сталин... С. 614–616.

М. Золотухина, член этой группы, впоследствии вспоминала: «Из всей мягкой мебели торчали пружинки – остатки специальных датчиков, сигнализировавших охране, куда переместился Сталин»¹⁵.)

Лозгачев продолжает свой рассказ: «Но уже час дня – и нет движения. И в два – нет движения в комнатах.

Ну, начинаем волноваться. В три, в четыре – нет движения... Мы сидим со Старостиним, и Старостин говорит: “Что-то недоброе, что делать будем?”... Действительно, что делать – идти к нему? В восемь вечера – ничего нет. Мы не знаем, что делать, в девять нету движения, в десять – нету».

Свидетельство Лозгачева подтверждается свидетельством Старостина, записанным в 1977 году бывшим охранником Сталина А. Т. Рыбиным. В 1953 году Рыбин уже не работал в охране Сталина, а был руководителем охраны Большого театра, это для МГБ также был объект правительственной охраны. Рыбин, находясь в отставке, по собственной инициативе также собирал свидетельства о смерти Сталина и о других событиях из жизни вождя. В 1995 году Рыбин опубликовал несколько брошюр, одна из которых посвящена событиям марта 1953 года. Свидетельствует Старостин: «В 22 часа я стал посылать Лозгачева к Сталину, так как нам было странно поведение Сталина. Лозгачев, наоборот, начал посылать меня к Сталину и сказал: “Ты самый старший здесь, тебе первому и надо заходить к Сталину”. Препирались меж собой долго, а время шло»¹⁶. Лозгачев, по более поздней записи Радзинского, повторяет эту картину: «Я говорю Старостину: “Иди ты, ты начальник охраны, ты должен забеспокоиться”. Он: “Я боюсь”. Я: “Ты боишься, а я герой, что ли, идти к нему?” В это время почту привозят – пакет из ЦК. А почту передаем обычно мы. Точнее, я, почта – моя обязанность. Ну что ж... Да, надо мне идти»¹⁷.

Эта картина, по-видимому, соответствующая действительности, совершенно противостественна. Люди, которые при малейшем появлении каких-то оснований для беспокойства должны были рапортовать своим начальникам и принимать необходимые меры, ожидают часами, понимая, что что-то случилось. Боятся открыть дверь к Сталину, как будто там их ожидает вооруженная засада.

Помещение, в котором пререкались между собой Старостин и Лозгачев, находилось в особом служебном доме, соединенном с дачей Сталина коридором длиной около 25 метров. Двери, ведущие в жилую часть дачи, никогда не запирались. У Сталина с «прикрепленными» дежурными и с другими служащими дачи были простые и неформальные отношения. К вечеру 1 марта серьезно волновались уже весь обслуживающий персонал и вся охрана дачи, и это было естественно. Ненормальной была боязнь «прикрепленных» не только войти к Сталину, но даже позвонить ему по домофону. Дмитрий Волкогонов в краткой биографии Сталина, опубликованной в 1996 году, пытается объяснить страх «прикрепленных»: «... После полудня у obsługi появилась большая тревога. Однако без вызова никто не смел входить к вождю; так повелевала инструкция Берии»¹⁸. Такой инструкции для охраны быть не могло. Берия уже с 1946 года не был ни начальником, ни куратором МГБ. По линии правительства и Политбюро он контролировал лишь деятельность МВД.

Примерно в 22.30 Лозгачев с пакетом из ЦК вошел в комнаты, где жил Сталин. То, что он увидел в так называемой малой столовой, было описано в разных вариантах много раз, так как Лозгачев немного менял свои свидетельства в разговорах с разными людьми. Неизменным остается главное – Сталин лежал на полу возле стола. Он был в пижамных брюках, уже мокрых

¹⁵ Магнитофонная запись воспоминаний; Из архива Роя Медведева.

¹⁶ Рыбин А. Т. Кто отравил Сталина? Записки телохранителя. М.: Гудок, 1995.

¹⁷ Радзинский Э. Сталин... С. 615.

¹⁸ Волкогонов Д. Семь вождей. Кн. 1. М.: Новости, 1996. С. 316.

от непроизвольного выделения мочи, и в нижней рубашке. Несомненно было то, что он лежал так несколько часов и сильно озяб. На столе стояла бутылка с минеральной водой «боржом» и стакан. Судя по всему, Сталин, встав с кровати, вошел в столовую, чтобы выпить воды. В этот момент и случился инсульт. По этой картине очевидно, что все это произошло утром, во всяком случае, до 11 часов. По домофону Лозгачев вызвал помощь. Прибежали Старостин, Туков, Бутусова. Вчетвером они перенесли Сталина в другую комнату, так называемый большой зал, где положили на диван и укрыли пледом. Сталин был парализован и не отвечал на вопросы, хотя глаза его были открыты.

В отношении последующих событий существуют свидетельства и Старостина, и Лозгачева. Свидетельство Старостина было записано Рыбиным в 1977 году, свидетельство Лозгачева – Радзинским в 1995 году. В основном они совпадают. Подполковник МГБ М. Старостин был старшим в группе охраны, и на него легла обязанность вызова помощи. По свидетельству Светланы Аллилуевой, беседовавшей в последующие дни с другими работниками обслуживающего персонала дачи, «вся взволнованная происходящим прислуга требовала вызвать врача...высшие чины охраны решили звонить “по субординации”, известить сначала своих начальников и спросить, что делать»¹⁹.

Старостин: «В первую очередь я позвонил Председателю МГБ С. Игнатьеву и доложил о состоянии Сталина. Игнатьев адресовал меня к Берии. Звоню, звоню Берии – никто не отвечает. Звоню Г. Маленкову и информирую о состоянии Сталина. Маленков что-то промычал в трубку и положил ее на рычаг. Минут через 30 позвонил Маленков и сказал: “Ищите Берию сами, я его не нашел”. Вскоре звонит Берия и говорит: “О болезни товарища Сталина никому не говорите и не звоните”. Положил трубку»²⁰.

По свидетельству Лозгачева, эти разговоры происходили между 22 и 23 часами вечера. «...Сижу рядом со Сталиным и считаю минуты своего дежурства. Полагал, что придут по указанию Берии и Маленкова врачи. Но их не было. Часы пробили 23 часа 1 марта, но глухая тишина. Смотрю на часы – стрелка показывает час ночи, два, три... Слышу, в 3 часа ночи 2 марта около дачи зашуршала машина. Я оживился, полагая, что сейчас я передам больного Сталина медицине. Но я жестоко ошибся. Появились соратники Сталина Берия и Маленков... Стали соратники поодаль от Сталина. Постояли. Берия, поблескивая пенсне, подошел ко мне поближе и произнес: “Лозгачев, что ты панику наводишь? Видишь, товарищ Сталин крепко спит. Его не тревожь и нас не беспокой”. Постояв, соратники повернулись и покинули больного»²¹.

Ни Старостин, ни Лозгачев не упоминают о приезде Хрущева и Булганина. Это понятно, так как, приехав на дачу к Сталину намного раньше, Хрущев и Булганин вообще не входили в комнаты Сталина, а ограничились беседой с охранниками в дежурном помещении возле ворот. Здесь они поговорили с чекистами и уехали, не дав никаких указаний. Хрущев в своих воспоминаниях пишет, что Маленков позвонил ему о Сталине около полуночи, когда он уже лег спать. «Я сейчас же вызвал машину... Быстро оделся, приехал, все это заняло минут пятнадцать. Мы условились, что войдем не к Сталину, а к дежурным». Дежурные дали Хрущеву и Булганину общее описание событий дня и рассказали о состоянии Сталина. Хрущев продолжает: «Когда нам сказали, что произошел такой случай и теперь он как будто спит, мы посчитали, что неудобно нам появляться у него и фиксировать свое присутствие, раз он находится в столь неблагоприятном положении. Мы разъехались по домам»²².

¹⁹ Аллилуева С. Два последних разговора // Московские новости. 1990. 21 окт. № 42. С. 8–9.

²⁰ Рыбин А. Т. Кто отравил Сталина... С. 12.

²¹ Там же. С. 13.

²² Хрущев Н. С. Воспоминания. М.: Вагриус, 1997. С. 264.

Когда Хрущев пишет: «Мы условились, что войдем не к Сталину, а к дежурным», то имеется в виду, по-видимому, его договоренность не с Булганиным, с которым они приехали вместе, а с Маленковым. Маленков и Берия, почему-то задерживавшие свой приезд, хотели первыми осмотреть Сталина и принять решение о том, что нужно делать. Но делать ничего не стали, во всяком случае в отношении Сталина.

Продолжает свидетельствовать Лозгачев: «Снова я остался один возле Сталина. Пробило на стенных часах 4—5—6—7—8, никто не появляется возле Сталина... Это была ужасная ночь в моей жизни... В 8.30 приехал Хрущев и сказал: “Скоро к товарищу Сталину приедут врачи”. Действительно, около 9 часов утра прибыли врачи, среди которых был терапевт Лукомский. Приступили к осмотру больного»²³.

Приезд врачей был результатом повторных звонков Старостина Маленкову и Берии примерно в 7 часов утра. Им самим никто не звонил и не спрашивал о состоянии Сталина. Но они боялись ответственности и понимали, что если Сталин умрет, то вина за задержку с вызовом врачей будет возложена на них. Все другие служащие дачи уже давно требовали немедленного вызова врачей, главное здание Кремлевской больницы находилось поблизости от дачи. По свидетельству Светланы Аллилуевой, «обслуга и охрана, взбунтовавшись, требовали немедленного вызова врачей». Узнав о появлении Берии и его заявлении, что «ничего не случилось, он спит», «охрана дачи и вся обслуга теперь уже не на шутку разъярились»²⁴.

Хрущев, как это видно из его воспоминаний и воспоминаний его сына, в первый раз поехал на дачу Сталина около полуночи. Сергей Хрущев продолжает: «Некоторое удивление вызвало скорое возвращение отца, он отсутствовал часа полтора-два. Однако вопросов никто не задавал, он молча поднялся в спальню и вновь углубился в свои бумаги... Как он уехал вторично, я уже не слышал, наверное, лег спать. На этот раз отец не возвращался долго, до самого утра»²⁵. Куда уехал Хрущев вторично, также неясно, так как, по свидетельству самого Хрущева, он уехал из дома уже утром после нового звонка от Маленкова. Спать Хрущев в ту ночь не ложился. Очевидно, что не ложились спать и остальные члены «четверки».

1-2 марта 1953 года. Дополнительные детали

Из рассказов «прикрепленных» дежурных Сталина Хрущеву и Булганину, приехавшим на «ближнюю» дачу вскоре после полуночи, было совершенно ясно, что у Сталина произошел инсульт, или «удар», как тогда это называли. Это было очевидным и для Маленкова и Берии после телефонных звонков Старостина.

То, что Сталин лежал раздетый много часов, был парализован и не мог говорить, было более чем достаточно, чтобы сделать необходимые заключения. Поэтому отказ Хрущева и Булганина пойти к Сталину и поговорить с Лозгачевым и Старостиным и заявления Берии о том, что «Сталин спит», и его более раннее заявление о том, чтобы о болезни Сталина «никому не говорить и не топить», не имеют никаких оправданий с точки зрения оказания помощи больному. Критическое положение Сталина было очевидным, и задержка с вызовом врачей имела другие цели. Вызов врачей означал широкую огласку болезни Сталина. Партийным лидерам нужен был какой-то срок, чтобы прежде всего договориться между собой о распределении власти и о реорганизации руководства страной. Не исключено, что они ждали, что инсульт, безусловно серьезный, может быстро закончиться смертью Сталина. Скоропостижная смерть вождя была для них предпочтительнее той ситуации долгой неопределенности, которая воз-

²³ Рыбин А. Т. Кто отравил Сталина... С. 13.

²⁴ Аллилуева С. Два последних разговора... С. 8–9.

²⁵ Хрущев С. Н. Никита Хрущев. С. 24–25.

никла в 1922 году после инсульта и паралича у Ленина. Длительная болезнь не давала возможности для той реорганизации руководства, которую они хотели осуществить.

Врачам начали звонить около 7 часов утра 2 марта. Ни Хрущев, ни Маленков, безусловно, не знали, каких именно врачей следует вызывать. Поэтому был вызван министр здравоохранения А. Третьяков, и уже он принимал решение о составе первого консилиума. Утром 2 марта о болезни Сталина сообщили также Ворошилову и Кагановичу, а немного позже дочери Сталина Светлане и сыну Василию.

Охрана дачи Сталина, так же как и Кремля, подчинялась в этот период не Берии, как часто пишут, а министру МГБ С. Д. Игнатьеву. Игнатьев, в свою очередь, подчинялся лично Сталину. Сталин всегда напрямую руководил всеми репрессивными органами еще с конца 1920-х годов, после смерти Дзержинского.

Бездейственное ожидание Старостина и Лозгачева у дверей в комнаты Сталина с 10.30 утра до 22.30 вечера лишено элементарного смысла и маловероятно. Хрущев, как видно из его собственных воспоминаний и воспоминаний его сына, также сильно беспокоился по поводу отсутствия ожидавшихся им звонков с «ближней» дачи. Безусловно, что звонков от Сталина ждали и другие его соратники, прежде всего Берия, Маленков и Булганин. Личная канцелярия Сталина в Кремле продолжала работать и в воскресенье. Многолетний начальник канцелярии, так называемого Особого сектора, А. Н. Поскребышев был отстранен от должности еще в декабре 1952 года. Временным руководителем канцелярии Сталина был заместитель Поскребышева С. Чернуха. При той известной всем крайней нетерпеливости, которой отличались прежде всего Хрущев и Берия, трудно представить, что ни тот, ни другой не позволили на дачу Сталина, чтобы узнать, какая там обстановка. То, что ни Старостин, ни Лозгачев не вспоминают о подобных звонках, не свидетельствует о том, что их не было. Партийные лидеры могли звонить старшим дежурным собственной охраны дачи, а не «прикрепленным». Они могли также звонить Сталину по прямому телефону, так называемой кремлевской вертушке. Трубку телефона в этом случае должен поднимать сам Сталин. Но Сталин не отвечал на телефонные звонки.

Начальником всей охранной службы МГБ и одновременно начальником охраны Сталина был в это время по совместительству министр МГБ Семен Денисович Игнатьев. При возникновении каких-либо необычных ситуаций дежурные охраны Сталина должны были рапортовать именно ему и подчиняться его указаниям. Игнатьев стал начальником управления охраны МГБ после смещения в мае 1952 года с этого поста генерала Николая Власика, многолетнего начальника личной охраны Сталина. Некоторые биографы Сталина связывают смещение Власика с заговором Берии. Власик был отправлен на должность заместителя начальника одного из лагерей в Свердловской области и там арестован.

Эдвард Радзинский, высказавший гипотезу о том, что Сталин мог быть отравлен по директиве Берии в ночь на 1 марта одним из дежуривших «прикрепленных» И. В. Хрусталевым, обосновывает свое предположение именно арестом Власика: «После ареста Власика Берия, конечно же, завербовал кадры в оставшейся без надзора охране. Он должен был использовать последний шанс выжить»²⁶. Это предположение весьма произвольно. Причин для отстранения Власика было очень много. Его арест мог быть произведен только по личной директиве Сталина. Реализацию директивы Сталина мог произвести только Игнатьев, а не Берия. Возможность отравления Сталина Хрусталевым, к которому Сталин относился особенно дружески, совершенно невероятна.

Сталин знал Власика еще с периода Гражданской войны и вполне ему доверял. С 1934 года Власик стал начальником личной охраны Сталина, а с 1946 года начальником всей охранной службы МГБ. Ему, таким образом, подчинялась и охрана других членов Политбюро и

²⁶ Радзинский Э. Сталин... С. 618.

правительства. На этом посту Власик был личным осведомителем Сталина. Но эту роль он выполнял все менее и менее добросовестно, так как коррумпированность Власика сделала его возможным объектом шантажа. Сталин, безусловно, потерял доверие к Власику, и арест его не был совершенно необоснованным. После смерти Сталина и после ареста Берии в июне 1953 года Власик не был освобожден. Его судили в 1955 году. Отстранение Власика в 1952 году, а затем и смещение начальника личной канцелярии Сталина Поскребышева не увеличивало, а уменьшало возможность для Берии получать информацию о том, что конкретно планируется Сталиным по линии МГБ и в каком состоянии находятся следственные действия по «делу врачей» и по «мингрельскому делу». Ключевой фигурой для осуществления Сталиным этих крупных репрессивных кампаний стал с середины 1952 года именно С. Д. Игнатьев. При формировании Президиума ЦК КПСС после XIX съезда КПСС Сталин ввел Игнатьева в состав Президиума. Но, помимо всех этих высоких постов, именно Игнатьев был в начале 1953 года начальником Управления по охране МГБ и начальником личной охраны Сталина. Именно Игнатьеву позвонил Старостин. Однако Игнатьев получал с дачи рапорты и от более высоких по званию работников собственно охраны, сформированной в спецподразделение МГБ.

В 1934 году, когда дача Сталина была построена, она находилась за пределами Москвы, в густом смешанном лесу, вблизи села Волыньское. В 1953 году этот подмосковный район Кунцево был уже близким пригородом Москвы. Сталин на даче вел достаточно активный образ жизни. Он мог, надев теплый тулуп и валенки, выйти на прогулку зимой. Иногда катался на санях, запряженных лошадей, по кольцевой дороге между двумя заборами. Мог распорядиться и о том, чтобы затопили русскую баню. План на текущий день, включая и обеды с приглашенными, Сталин составлял не накануне, а утром текущего дня. Он часто посещал оранжереи и теплицы, имевшиеся на даче. Также он неожиданно мог принять решение о посещении театра или кинозала в Кремле. Каждое из этих мероприятий требовало разного обеспечения охраной. При этом Сталин не любил, когда охранники находились близко от него.

В системе охранной службы МГБ дача в Кунцево была приоритетным объектом. Поэтому Игнатьев, бывший в этот период начальником охранной службы и МГБ, и Сталина, получал регулярные рапорты с дачи о планах Сталина и принимал в связи с этим необходимые меры. Воскресенье 1 марта не могло быть исключением. Игнатьеву, безусловно, позвонили с дачи, что распорядок дня Сталина изменился в связи с тем, что он не встал утром, как обычно, и не дает никаких распоряжений. Этот звонок поступил, очевидно, от старшего офицера дежурной охраны. После этого Игнатьев не мог не звонить снова, чтобы контролировать ситуацию.

Можно предположить, что Игнатьев по своим собственным каналам связи с дачей Сталина знал раньше других о том, что Сталин 1 марта не встал, как обычно, и не отвечает ни по одному из телефонов срочной правительственной связи. Причины этого для Игнатьева могли быть ясными. Но поднимать тревогу и вызывать врачей, что он вполне мог сделать и без указаний от Берии, было для Игнатьева нелегко. Ему нужно было прежде всего обеспечить собственную безопасность, спасти свою жизнь. Решение Бюро Президиума ЦК КПСС в ноябре 1952 года, определявшее систему руководства страной в отсутствие Сталина (тогда это решение принималось на случай отъезда Сталина в отпуск), предусматривало поочередность председательства. В этот период власть Сталина в основном реализовывалась через правительство. Пост Генерального секретаря был упразднен. Заседания правительства при отсутствии Сталина должны были вести поочередно Л. П. Берия, А. М. Первухин и М. З. Сабуров. Берия был первым, и Игнатьев был бы его первой жертвой. Маленков был первым в списках альтернативных председателей Бюро Президиума и Секретариата, и именно этот дуумвират, при внезапно замолчавших телефонах Сталина, получал власть в стране до созыва Президиума ЦК КПСС. Задержка сообщения о болезни или, может быть, и смерти Сталина была поэтому в интересах Игнатьева и его возможных союзников, а не в интересах Берии и Маленкова.

После смерти Сталина Игнатъев, потерявший пост министра МГБ, в связи с возвышением Берии тоже получал повышение, пост секретаря ЦК КПСС с функциями контроля за органами государственной безопасности и внутренних дел. Несколько попыток Берии добиться исключения Игнатъева из КПСС и предания его суду за преступления по «делу врачей» остались безрезультатными. «Дело врачей» было прекращено не Берией, а самим Игнатъевым днем 1 марта 1953 года, в то время, когда Старостин и Лозгачев беспокоились о том, что в комнатах Сталина «нет движения».

1-2 марта 1953 года. Внезапный конец «дела врачей»

«Дело врачей» и «дело грузин-мингрелов» готовились для судебных заседаний, которые ожидались в марте. Хотя по «делу мингрелов» было арестовано больше людей, чем по «делу врачей», оно имело все же лишь местное значение, и суд по нему планировался в Тбилиси. Берия тоже был мингрел, и большинство арестованных в Грузии работников были его выдвиненцами. Завершение этого дела было бы концом карьеры Берии. Иллюзий на этот счет не было ни у кого. «Дело врачей» имело значительно более широкий международный аспект и антиамериканский характер. Завершение этого дела приговором и казнями авторитетных медиков неизбежно породило бы в СССР небывалую антисемитскую кампанию. Некоторые авторы связывают «дело врачей» с намерением Сталина спровоцировать новую мировую войну. Никаких фактов в пользу такой теории, однако, не существует.

Обычно считается, что «дело врачей» было начато письмом врача-кардиолога Кремлевской больницы Лидии Феодосьевны Тимашук о неправильном лечении члена Политбюро А. А. Жданова. Это не совсем верно. Хрущев в своем секретном докладе на XX съезде КПСС в феврале 1956 года намеренно грубо исказил существо всей этой проблемы. «Давайте также вспомним, – заявил Хрущев, – “дело врачей-вредителей” (оживление в зале). На самом деле не было никакого “дела”, кроме заявления женщины-врача Тимашук, на которую, по всей вероятности, кто-то повлиял или же просто приказал (кстати, она была неофициальным сотрудником органов государственной безопасности) написать письмо Сталину, в котором она заявляла, что врачи якобы применяли недозволенные методы. Для Сталина было достаточно такого письма, чтобы прийти к немедленному заключению, что в Советском Союзе имеются врачи-вредители. Он дал указание арестовать группу видных советских медицинских специалистов»²⁷.

В действительности все обстояло иначе. Письмо Тимашук, адресованное не Сталину, а начальнику управления охраны МГБ Власику, было написано 29 августа 1948 года. Оно касалось диагноза, поставленного накануне Жданову, и было вполне обоснованным, учитывая то, что Жданов был тогда еще жив. История этого письма была очень простой. 28 августа 1948 года у Жданова, отдохавшего тогда в санатории ЦК ВКП(б) на Валдае, произошел сердечный приступ. Ранее, в конце 1941 года, у Жданова случился инфаркт, и его проблемы с сердцем не были новыми. Тимашук срочно вызвали из Москвы для снятия кардиограммы и установления диагноза. Предварительный диагноз, поставленный другими врачами, определил лишь сердечную недостаточность. Электрокардиограмма, сделанная Тимашук, объективно указывала на обширный инфаркт и определяла его локализацию. Этот диагноз предполагал строгий постельный режим. Однако главные врачи Кремлевской больницы, профессора П. И. Егоров, В. Н. Виноградов, В. Х. Василенко и лечащий врач Жданова Г. И. Майоров отказались признать диагноз Тимашук и изменить режим больного, разрешавший ему прогулки, посещение кино и т. д. Тимашук писала, что ее диагноз обоснован, прилагала копию электрокардиограммы. Диагноз Тимашук не был зафиксирован в истории болезни. Через два дня, 31 августа 1948 года,

²⁷ Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях: Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС 25 февр. 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3.

встав с кровати для посещения туалета, Жданов умер. Результаты вскрытия подтвердили диагноз Тимашук, но не были включены в официальное коммюнике о болезни и смерти Жданова. Тимашук в этом медицинском конфликте была безусловно права. Другие врачи совершили ошибку. Никаких немедленных заключений Сталин не делал, и неизвестно даже, знал ли он в 1948 году о письме Тимашук или нет. В некоторых исследованиях «дела врачей» утверждается, что Власик был смещен в 1952 году именно за «сокрытие письма Тимашук»²⁸. Все врачи, о которых пишет Тимашук, были русскими. Никакой «сионистский заговор» на основании этого письма не просматривался.

Общий «сионистский заговор» против партийного руководства СССР был спроектирован именно Сталиным еще с начала 1948 года как продолжение кампании против «космополитов», начатой в 1946 году. В связи с этой антисемитской кампанией еще в 1948 году были арестованы десятки людей и почти все члены антифашистского комитета советских евреев, включая члена этого комитета – жену Молотова, Полину Жемчужину-Молотову. По особому сценарию, составленному Сталиным, был умерщвлен во время визита в Минск знаменитый артист Соломон Михоэлс. Этим убийством, совершенным в январе 1948 года, оформленным как автомобильная авария, руководили лично заместитель министра МГБ Сергей Огольцов и министр государственной безопасности Белоруссии Лаврентий Цанава.

Антисемитская кампания продолжалась в течение всего периода 1948–1952 годов, включая в себя все новые и новые «заговоры». Даже в следствии по «делу грузин-мингрелов», начатому позже, некоторых обвиняемых заставляли давать показания о том, что Берия скрывает свое еврейское происхождение. Фабрикацию огромного американско-сионистского заговора органы МГБ начали еще под руководством министра В. С. Абакумова, назначенного на этот пост в 1946 году. Хотя Сталин подчинил Абакумова лично себе, он не был уверен, что Абакумов как профессиональный чекист не имеет секретных связей с Берией. В июле 1951 года был арестован и сам Абакумов, которого обвиняли в том, что у него в центральном аппарате МГБ много евреев на руководящих должностях. Новым министром государственной безопасности был назначен Игнатъев, профессиональный партийный работник, заведовавший в тот период отделом руководящих партийных работников ЦК ВКП(б). Назначением Игнатъева Сталин отрывал МГБ от влияния Берии, хотя весь профессиональный кадровый состав МГБ сохранился. Игнатъев произвел в составе МГБ лишь небольшие перемены.

Именно в этот период начало формироваться и «дело врачей», но уже с сионистским уклоном. Были арестованы врачи-евреи Кремлевской больницы, один из которых, М. С. Вовси, был братом Соломона Михоэлса. Все «дело» было сфабриковано крайне грубо и основано на «показаниях» врача Я. Г. Этингера, который умер от пыток и поэтому не смог бы подтвердить своих показаний на суде.

Объединение всех антисемитских дел, начатых раньше, с «делом врачей» было осуществлено лишь в январе 1953 года, после публикации в «Правде» 13 января «Хроники ТАСС» о раскрытии органами государственной безопасности «террористической группы, врачей, ставившей своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». В этой «Хронике» назывались имена врачей-евреев, завербованных якобы Международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт». Но поскольку среди арестованных врачей были и русские, причем знаменитые, то их причислили к другим организациям. Личный врач Сталина В. Н. Виноградов и начальник лечебного управления Кремля П. И. Егоров, как было сказано, «оказались давнишними агентами английской разведки».

²⁸ Цель была спасти жизнь больного. Материалы доктора Тимашук / Публикация подготовлена В. Малкиным и Л. Лыковой // Источник. 1997. № 1. С. 3—16.

Эти совершенно фантастические обвинения послужили началом исключительной, даже истерической кампании в прессе, особенно в «Правде». Каждый день в центральных газетах публиковались те или иные материалы о подрывной деятельности в СССР американской, британской, израильской и других секретных служб. Контуры начинающегося погрома были очевидными и вызвали беспокойство во всем мире. Однако воскресенье 1 марта 1953 года было последним днем этой антисемитской и антизападной кампании. В «Правде» в этот день можно было прочесть о «засылке в СССР шпионов, диверсантов, вредителей и убийц», о том, что «сионистские организации используются для шпионско-диверсионной деятельности», о шпионско-диверсионной деятельности еврейской организации «Джойнт». Но в понедельник, 2 марта 1953 года, ни «Правда», ни другие центральные газеты уже не публиковали никаких антиамериканских и антиссионистских материалов. Не было таких публикаций и в последующие дни. Антисемитская кампания прекратилась.

Центральные газеты СССР готовились в набор вечером предшествующего дня. Редактор подписывал макет после просмотра всего текста цензором, и ночью матрицы набора рассылались специальными самолетами в другие столицы республик и в крупные города, где такие газеты, как «Правда» и «Известия» выходили и доставлялись подписчикам лишь на несколько часов позже, чем в Москве. В Москве тиражи газет были готовы к 6 часам утра и разносились почтальонами подписчикам с утренней почтой. В этих условиях директива о прекращении антисемитской и антиамериканской кампаний, привязанных к ожидавшемуся вскоре процессу, должна была поступить и в редакции газет, и в универсальную цензуру, Главлит, днем 1 марта. Аналогичная директива должна была поступить государственным радиостанциям и телевидению. По существу, не только редакции «Правды» и «Известий», но и редакции всех средств массовой информации, лекторы и пропагандисты всех уровней должны были получить необходимые инструкции. Такая внезапная остановка уже набравшей силу обширной пропагандистской кампании могла быть осуществлена лишь одной службой – Управлением (отделом) агитации и пропаганды ЦК КПСС, тем самым агитпропом, который до этого управлял этой кампанией и координировал её.

Абдурахман Авторханов, один из первых авторов теории убийства Сталина Берией, тоже обратил внимание на прекращение антисемитской кампании в газетах, вышедших в СССР в понедельник 2 марта. Но для Авторханова этот факт стал главным косвенным доказательством убийства Сталина в ночь на 1 марта и того, что в этом заговоре принимала участие вся четверка лидеров, приглашенных на последний «сталинский обед». «Уже 1 марта фактически власть была в руках «четверки», – предполагает Авторханов. – Объективное доказательство этому – внезапное прекращение 1–2 марта кампании в “Правде” против “врагов народа”»²⁹.

Авторханов прав, что 1 марта произошли изменения государственной и партийной политики, отразившиеся на содержании всей прессы уже 2 марта. Однако прямого выхода на всю прессу не было ни у Берии, ни у Хрущева. Общую директиву агитпропу ЦК КПСС мог дать лишь секретарь ЦК по идеологии М. А. Сулов, а общую директиву всей цензуре – министр госбезопасности С. Д. Игнатьев.

Цензура в СССР действовала как система запрещения публикации сведений, составляющих государственную тайну, и постоянно обновляемые списки запрещаемых тем и сведений составлялись органами госбезопасности с участием того же агитпропа. Обойти Сулова и Игнатьева для общей директивы в прессу и цензуру было невозможно. Но каждый из них подчинялся лично Сталину.

Главным редактором «Правды» в ноябре 1952 года был назначен Д. Т. Шепилов, в прошлом близкий Жданову человек. В 1950 году Шепилов, после завершения «ленинградского дела», был снят со всех постов по распоряжению Маленкова. Он был без работы несколько

²⁹ Авторханов А. Загадка смерти Сталина. С. 206–207.

месяцев и также ожидал ареста. Шепилов вернулся в аппарат ЦК по инициативе Сталина. Сталин готовил реорганизацию идеологической системы СССР и стремился выдвинуть в руководстве КПСС прежде всего марксистски образованных идеологов и подчинить идеологическому центру управленцев-администраторов, к которым он относил все свое ближайшее окружение. (Маленков, поняв этот общий замысел, распорядился срочно оборудовать в своем главном кабинете в здании ЦК на Старой площади новые книжные полки, на которых были выставлены около 700 томов книг по философии, политэкономии и истории.)

Кто именно остановил антисемитскую кампанию по «делу врачей» в прессе 1 марта 1953 года, остается пока неизвестным. Шепилов в посмертно опубликованных воспоминаниях полностью обходит этот вопрос, хотя ему как редактору «Правды» такая директива должна была поступить в первую очередь. Можно, однако, не сомневаться в том, что прекращение пропагандистской кампании неизбежно было связано и с прекращением подготовки самого судебного процесса по «делу врачей». Директиву об этом мог дать только Игнатъев.

С. Д. Игнатъев. Организатор террора, сохранивший свою жизнь

Министр МГБ С. Д. Игнатъев несколько раз вызывался к Сталину в Кремль в ноябре-декабре 1952 года. Возможно, что он также приглашался к Сталину и на дачу, где беседы с посетителями имели более конфиденциальный характер и проходили без свидетелей. 3 ноября 1952 года вместе с Игнатъевым к Сталину были приглашены первые заместители Игнатъева Сергей Гоглидзе, Василий Рясной и начальник следственного отдела МГБ Михаил Рюмин. Беседа Сталина с чекистами продолжалась почти два часа. По свидетельству Судоплатова, возглавлявшего в то время один из отделов МГБ, Сталин отнесся очень критически к тому сценарию «заговора», который подготовил Рюмин, считая его примитивным и неубедительным. По личному распоряжению Сталина Рюмин был смещен и уволен в запас 14 ноября 1952 года³⁰. Составление нового сценария Сталин взял на себя. Все еврей-чекисты, работавшие в центральном аппарате МГБ, около тридцати человек, были арестованы. Именно в эту волну арестов попал в лубянскую тюрьму сын первого главы РСФСР Якова Свердлова, полковник МГБ Андрей Свердлов. «Заговор» врачей-евреев на второй стадии должен был вырасти в более общий «сионистский заговор». Общее руководство этого разросшегося до огромных масштабов погрома осуществляли Игнатъев и его заместители С. А. Гоглидзе, С. И. Огольцов и В. С. Рясной, в то время как следствие по этому делу возглавил новый начальник следственного отдела МГБ Н. М. Княхин, бывший до этого заместителем Рюмина.

1 марта 1953 года следствие по «сионистскому заговору» начало рассыпаться. 5 марта 1953 года МГБ и МВД были объединены в единое министерство, главой которого был назначен Берия. Первой была освобождена из заключения уже в день похорон Сталина жена Молотова Полина Жемчужина. Затем реабилитировали и освободили арестованных врачей. Вслед за ними освобождали и других, но одновременно арестовывали организаторов этой фальсифицированной кампании. Были, в частности, арестованы Рюмин и Огольцов.

По опубликованным недавно документам о деятельности Берии видно, что каждый такой арест требовал санкции Президиума ЦК КПСС³¹. В объяснительной записке в Президиум ЦК КПСС о «деле врачей» Берия настаивал также на привлечении к уголовной ответственности Игнатъева и Рясного как виновных в нарушениях законности и «фабрикация» ложных обвинений. Однако Президиум ЦК КПСС по причинам, которые никогда не объяснялись, не дал санкции на арест Игнатъева и Рясного. Игнатъев был все же освобожден с поста секретаря ЦК

³⁰ Судоплатов П. Разведка и Кремль. С. 362.

³¹ Лаврентий Берия: Сб. док., 1953 / Под общ. ред. А. Н. Яковлева. М.: Московский международный фонд «Демократия», 1999.

КПСС. Ему было предложено «представить в Президиум ЦК КПСС объяснения о допущении МГБ грубейших извращений советских законов и фальсификации следственных материалов». Какие объяснения дал Игнатъев, остается неизвестным. Его обвинили по партийной линии даже не в «ошибках», а в «потере бдительности». Он получил пост первого секретаря Башкирского обкома КПСС, а через два года стал первым секретарем Татарского обкома КПСС³². Игнатъев был избран делегатом XX съезда КПСС и помогал Хрущеву в подготовке доклада о «культе личности». В этом докладе Хрущев представил Игнатъева как жертву Сталина, а не как исполнителя его воли. Игнатъев умер в возрасте 79 лет, получив к своему 70-летию в 1974 году очередной орден. Такое отношение к Игнатъеву, не пострадавшему ни в одной из партийных «чисток», говорит о том, что ему покровительствовал не только Хрущев, но и Суслов.

Первый заместитель Игнатъева В. С. Рясной в 1943–1946 годах работал вместе с Хрущевым на Украине. Рясной был наркомом НКВД Украины. В 1954 году его назначили на пост начальника Управления МВД Московской области, а впоследствии, с 1956 года, он работал начальником разных крупных строителей. Наиболее загадочной оказалась судьба Огольцова. После докладной записки Берии в Президиум ЦК КПСС в апреле 1953 года об обстоятельствах убийства Михоэлса в 1948 году он был арестован. Но в августе 1953 года Огольцов, вместе с оперативными работниками, участвовавшими в этой «ликвидации», был освобожден и отправлен на пенсию. Защита Хрущевым принципов «социалистической законности» оказалась весьма избирательной.

Такая необычная забота Хрущева и других членов нового партийного руководства по отношению к некоторым организаторам последней, наиболее опасной и жестокой волны сталинского террора вряд ли объясняется гуманными соображениями. Более вероятным может быть предположение о том, что в критический день 1 марта 1953 года они, первыми оценив правильно причины «телефонного» молчания Сталина и «отсутствия движения» в его жилых комнатах, информировали о своих выводах прежде всего Хрущева и Булганина для решения вопроса о власти и Суслова – для решения вопроса об окончании кампании антисюионистской пропаганды. В этот день в руках Игнатъева и в системе МГБ была сконцентрирована еще огромная «силовая» власть. Вместе с властью Булганина, военного министра СССР, Хрущев мог в конечном распределении власти обеспечить себе положение лидера КПСС. Если бы Маленков и Берия были первыми из тех соратников Сталина, которые принимали решения о проектах реорганизаций, то на основе уже имевшегося с ноября 1952 года документа Бюро Президиума ЦК КПСС о руководстве страной в отсутствие Сталина Маленков взял бы под свой личный контроль весь партийный аппарат, а Берия был бы назначен исполняющим обязанности Председателя Совета Министров СССР. Третьим по влиянию человеком в стране, уже по инициативе Маленкова и Берии, стал бы Молотов. Хрущев в этот период не воспринимался ни в народе, ни в партии как возможный преемник Сталина. Булганин был вообще не слишком популярен, особенно среди военных. Но инициатива первых решений оказалась именно у них и подкреплялась МГБ и армией.

2 марта 1953 года. Два заговора

Хрущев и Булганин, прибыв на дачу Сталина где-то около полуночи 1 марта, провели там час-полтора, ограничившись беседой в основном с руководством охраны в дежурном помещении возле массивных ворот. До самой дачи от этого помещения было не очень далеко, но дача от ворот не была видна. Асфальтовая дорога к ней шла через густой лесной массив, и для подъезда к даче нужно было сделать еще один резкий поворот. Этот поворот и создавал тот шум от колес машины, который слышали и «прикрепленные» дежурные, и охранники самой

³² Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК РКП(б), ВКП(б), КПСС: Справ. М.: Госполитиздат, [Б. г.]. С. 115.

дачи. Все окна дачи были наглухо зашторены, и свет в комнатах не был виден снаружи. Эти меры безопасности были введены самим Сталиным. Хрущев и Булганин решили не входить к Сталину. Им было уже известно, что Сталин парализован и не реагирует на вопросы. Но лично убедиться в этом они почему-то не хотели. Объяснение Хрущева, что они не хотели «смущать» Сталина, совершенно несерьезно. Можно предположить, что они приехали на дачу в Кунцево и оставались там в помещении охраны МГБ просто потому, что им были нужны надежные телефоны экстренной правительственной связи и безопасное помещение для согласования между собой определенных мероприятий. Отсюда они могли спокойно разговаривать и с Игнатьевым, которому охрана дачи подчинялась непосредственно. Когда Хрущев свидетельствовал: «Мы условились, что войдем не к Сталину, а к дежурным», то это могло также означать и договоренность с Игнатьевым. В Москву 2 марта 1953 года по приказу Булганина были «для сохранения порядка» скрытно введены несколько элитных подразделений Московского гарнизона. Министерство обороны и Генеральный штаб также должны были получить необходимые инструкции, связанные с недееспособностью Председателя Совета Министров и Верховного Главнокомандующего.

В последние годы правления Сталина даже члены Политбюро были уверены в том, что их домашние телефоны и квартиры прослушиваются органами безопасности. Поэтому сугубо конфиденциальные беседы между собой все, даже высшие чиновники, старались вести за пределами собственных стен. Нельзя исключить и того, что Игнатьев как начальник охранной службы МГБ и одновременно начальник всей охраны Сталина и Кремля также прибыл на дачу в Кунцево. Между полночью и двумя часами утра 2 марта 1953 года на даче Сталина под защитой охраны и в присутствии Хрущева и Булганина (и возможно, также и Игнатьева) решались какие-то важные вопросы, которые и до настоящего времени остаются неизвестными. Берия понял это, но значительно позже. Именно этим можно объяснить не понятные для других неожиданные репрессии, которые обрушились именно на работников охраны дачи Сталина после 5 марта. По свидетельству Светланы Аллилуевой, весь персонал дачи Сталина был уволен через несколько дней после его смерти по приказу Берии. «Людей, прослуживших здесь по десять-пятнадцать лет не за страх, а за совесть, вышвыривали на улицу. Их разогнали всех, кого куда: многих офицеров из охраны послали в другие города. Двое застрелились в те же дни. Люди не понимали ничего, не понимали, в чем их вина? Почему на них так ополчились?»³³

Маленков и Берия также получили сообщение с дачи о болезни Сталина около 23 часов 1 марта. Но не исключено, что Берия узнал об этом позже всех, где-то около полуночи. Как уже упоминалось, Старостин, позвонивший Берии после звонка Игнатьеву, не нашел его по тем номерам правительственной связи, которые были на даче. Не нашел Берию и Маленков. Через 30 минут (!) он позвонил Старостину и сказал: «Ищите Берию сами, я его не нашел». Но «вскоре» Берия все же нашелся и позвонил Старостину. Возможно, что это было уже после полуночи. Маленкову и Берии потребовалось еще три часа, чтобы приехать на дачу. Оба были явно растеряны. Свидетельствует Лозгачев: «Берия нахально прошагал в зал к больному Сталину, у Маленкова скрипели новые ботинки, он их снял и взял под мышку. Зашел к Сталину в одних носках»³⁴. Эта картина не исключает того, что Маленков действительно думал, что Сталин спит, и не хотел его потревожить. Именно здесь Берия сказал Лозгачеву, что «Сталин крепко спит». Третий из находившихся на даче «прикрепленных», Василий Михайлович Туков, дополнил рассказ: «Берия вышел и стал бранить Старостина. Он не говорил, а кричал: “Я с вами расправлюсь. Кто вас поставил к товарищу Сталину? Дураки из дураков”. С ревом и вышел с дачи. 2-й секретарь ЦК ВКП(б) Г. Маленков засеменил за Берией, и машина отчалила

³³ Аллилуева С. Два последних разговора... С. 22.

³⁴ Рыбин А. Т. Кто отравил Сталина... С. 13.

от дачи»³⁵. Бурное поведение Берии в этот день отметили все: врачи, Светлана, охранники. Берия был свержовозбужден, проявляя то радость, то торжество, то страх и всегда нетерпение. Он почти всем угрожал и создавал впечатление, что именно он является теперь главным.

Хрущев второй раз уехал из дома ночью, когда его семья уже спала. Он поехал, по-видимому, в Кремль на совещание с возвратившимися с дачи Сталина Маленковым и Берией. Нужно было решать вопросы власти и проблему вызова врачей. Вызов врачей сильно запаздывал. Но ответственность за эту задержку, виновниками которой были, безусловно, «прикрепленные» к Сталину Старостин и Лозгачев и в еще большей степени Игнатъев, ложилась теперь только на Берия. Именно его заявление о том, что умирающий Сталин просто «крепко спит», вошло во все биографии Сталина в последние двадцать пять лет.

Первые решения о характере раздела власти принимали, по-видимому, ночью 2 марта Хрущев и Булганин с участием Игнатъева и Сулова. Это обеспечило Игнатъеву новый пост в Секретариате ЦК КПСС, а Сулову сохранение контроля за идеологической империей КПСС. Никто из этой группы не мог рассчитывать на высший пост в стране, которым в это время считался пост главы правительства. Маленков по своему положению был «вторым», но именно в партийном руководстве. Первыми заместителями Председателя Совета Министров были Булганин и Берия. Основное беспокойство мог вызвать на этом ночном совещании именно Берия. Его безусловно выдающиеся организаторские способности в сочетании с безграничным властолюбием создавали опасность новой диктатуры. Игнатъев и Сулов в случае выдвижения Берии на пост премьера могли опасаться за собственную жизнь. Решение о выдвижении на пост главы правительства именно Маленкова было, очевидно, неизбежным компромиссом. Берия с этим мог согласиться, так как он, по существу, «управлял» Маленковым. Вряд ли Хрущев и Булганин проявили инициативу в ликвидации нового расширенного Президиума ЦК КПСС, состоявшего из 25 человек, избранного по списку Сталина в октябре 1952 года. Это было коллективным решением старых членов Политбюро.

XIX съезд КПСС создал по предложению Сталина новую структуру партийного руководства. Политбюро было заменено расширенным Президиумом ЦК КПСС, в который входили 25 членов и 11 кандидатов. Но для оперативного руководства страной Сталин, также неожиданно, предложил создать узкое Бюро Президиума из 9 человек, в которое не вошли Молотов и Микоян. После съезда Бюро Президиума заседало в кабинете Сталина в Кремле только два раза, 31 октября и 22 ноября 1952 года, но ни на одном из этих заседаний не присутствовал Ворошилов, который был членом Бюро. Сталин его просто игнорировал. Однако Бюро не было легитимным органом руководства. В новом Уставе КПСС существование Бюро Президиума не было предусмотрено. При публикации решений Пленума ЦК КПСС от 16 октября 1952 года, на котором были созданы и Президиум ЦК, и Бюро Президиума, сообщалось лишь о создании Президиума и о его составе, но не о Бюро, о существовании которого к марту 1953 года почти никто ничего не знал. Его решения не публиковались и не рассылались по инстанциям. Было непонятно, существует ли этот узкий орган оперативного руководства или нет и каково распределение функций у его членов. Для легитимной реорганизации правительства, которую хотели осуществить Маленков и Берия, было необходимо решение Пленума ЦК КПСС. Но проект такого решения было необходимо предлагать от имени Президиума ЦК КПСС, так как функции прежнего Политбюро перешли к Президиуму, а не к Бюро Президиума. Но собирать полный состав Президиума, который еще ни разу не заседал, ни Берия, ни Маленков не хотели. Это означало бы легализацию этого органа власти. Берия и Маленков намеревались ликвидировать созданный Сталиным Президиум ЦК.

К утру 2 марта новый директивный орган партийного руководства был сформирован, и члены его собрались в кабинете Сталина в Кремле. Дежурные секретари Сталина были на

³⁵ Там же.

месте и продолжали, как обычно, записывать в журнал посетителей кабинета всех входящих. Первым в 10.40 вошел Берия. Рассаживались вдоль стола, как обычно, оставив стул Сталина свободным. Официального председателя не было. На заседании присутствовали все члены Бюро Президиума и члены бывшего Политбюро: Молотов, Микоян и Шверник, которых Сталин не включил в состав узкого руководства. Был приглашен также М. Ф. Шкирятов, председатель Центральной контрольной комиссии КПСС. Заседание продолжалось всего 20 минут, и повестка его неизвестна. Можно предположить, что решался лишь один вопрос – самоутверждение. Вечером того же дня новый орган власти собрался снова. На этот раз заседание длилось ровно час, с 20.25 до 21.25. Решались, по-видимому, несколько проблем: ликвидация созданного на XIX съезде КПСС расширенного Президиума ЦК, реорганизация правительства и созыв пленума ЦК КПСС на 5 марта 1953 года. Полный Пленум ЦК и ЦК КПСС, в который входили около 300 человек, невозможно было созвать в течение одного-двух дней. 5 марта была, очевидно, ближайшая реальная дата, и она не была связана с ходом болезни Сталина.

Второе заседание «руководства» вечером 2 марта вел Берия, вошедший в кабинет Сталина первым. Но конкретного распределения портфелей на этом заседании, очевидно, еще не было. Лечение Сталина было только начато, и вопрос о характере смены власти мог обсуждаться лишь как сугубо предварительный. На заседание был приглашен министр здравоохранения Л. Ф. Третьяков, который, несомненно, дал прогноз заболевания, крайне пессимистический. Но он вряд ли мог в этот день предсказать, сколько времени продлится заболевание.

2-5 марта 1953 года. Политика и медицина. Смерть Сталина

Первую группу врачей, прибывших к больному Сталину утром 2 марта 1953 года, возглавлял министр здравоохранения А. Ф. Третьяков. В эту группу входили профессор П. Е. Лукомский, главный терапевт Министерства здравоохранения, профессора-невропатологи Р. А. Ткачев и И. Н. Филимонов и терапевт В. И. Иванов-Незнамов. Диагноз был установлен быстро и без разногласий – массивное кровоизлияние в мозг, в левое полушарие, на почве гипертонии и атеросклероза мозговых артерий. Кровяное давление у больного в лежачем положении было 220/110, на опасном уровне даже для более молодого человека. Врачей информировали о том, что инсульт с потерей сознания и параличом произошел у Сталина в ночь на 2 марта и что еще вечером 1 марта Сталин, как обычно, работал у себя в кабинете.

Для врачей сочинили ложную «легенду», зная, по-видимому, что эта «легенда» будет впоследствии передана и журналистам. По этой «легенде»: «Дежурный офицер из охраны еще в 3 часа ночи 2 марта видел Сталина за столом (офицер смотрел в замочную скважину). Все время и дальше горел свет, но так было заведено. Сталин спал в другой комнате, в кабинете был диван, на котором он часто отдыхал. Утром в седьмом часу охранник вновь посмотрел в скважину и увидел Сталина распростертым на полу между столом и диваном. Он был без сознания. Больного положили на диван, на котором он и пролежал в дальнейшем все время...»³⁶ Врачи попросили срочно привезти медицинские документы Сталина из Кремлевской больницы, историю болезни, в существовании которой никто, естественно, не сомневался. Но никаких документов о прежних заболеваниях Сталина найти не удалось. На всей даче не нашлось самых примитивных лекарств. Среди многочисленной обслуги не было даже медицинской сестры. «Хотя бы медсестру завели под видом одной из горничных или врача под видом одного из полковников, – воскликнул один из удивленных врачей во время консилиума, – ведь человеку 73 года!» С каких пор у Сталина была гипертония, тоже никто не знал.

В течение всего дня 2 марта прибывали все новые и новые медицинские светила из Академии медицинских наук, а к вечеру даже группа по реанимации. Но возможности медицины

³⁶ Мясников А. Л. Кончина // Литературная газета. 1989. 1 марта. С. 13.

для больного в таком состоянии были ограничены. Главные мероприятия были направлены на то, чтобы снизить кровяное давление и стимулировать работу сердца. Берия и Маленков поставили для врачей нелепые условия – каждая лечебная процедура, которую предлагали врачи, должна быть доложена дежурным членам партийного руководства и одобрена ими. На утро 3 марта был назначен расширенный консилиум, который по требованию Маленкова должен был дать официальный прогноз. Маленков, по-видимому, торопился с партийными реорганизациями, и не вызывавший сомнений, но все же формальный прогноз оправдывал для него какие-то срочные решения. Заключение консилиума было единодушным: смерть неизбежна, и речь идет скорее о днях, чем о неделях. После заключения консилиума всем членам ЦК КПСС был направлен срочный вызов – прибыть в Москву для обсуждения необходимых мер, связанных с неизбежностью смерти главы государства.

То, что реорганизация политической власти уже произошла, было очевидно: к постели больного Сталина допускались только члены Политбюро, существовавшего до XIX съезда КПСС. Никто из новых членов Президиума ЦК КПСС не вызывался на дачу Сталина. По свидетельству профессора А. Л. Мясникова, участника консилиума, вызванного к больному Сталину вечером 2 марта и оставшегося на даче до конца, в посещениях больного Сталина соблюдалась та же иерархия. Чаще всего приходили Маленков и Берия, всегда вдвоем, за ними следовали Ворошилов и Каганович. Третьей группой были Булганин и Хрущев и за ними Микоян и Молотов. Молотов приезжал редко, так как сам в это время был нездоров, у него было послегриппозное воспаление легких.

Многочисленные спекуляции биографов и родственников Сталина на том, что Сталина можно было бы спасти, если бы врачи прибыли к нему днем 1 марта, сразу после кровоизлияния, вряд ли обоснованны. Мозговое кровоизлияние было очень обширным. Даже в настоящее время такого рода инсульты приводят к летальному исходу. Более раннее применение медицинских процедур и средств реанимации, тогда только экспериментальных, могло продлить агонию, но не спасти жизнь. Рискованные хирургические вмешательства для удаления сгустка крови из мозга применяются лишь для относительно молодых людей.

Заседание руководства КПСС было назначено на 20 часов 5 марта 1953 года, и это не было связано с конкретным состоянием Сталина. В этот день его состояние было тяжелым и ухудшалось, но в 8 часов вечера он был еще жив. Однако для реорганизации руководства страной был созван не пленум ЦК КПСС, где могли возникнуть проблемы с объяснениями по поводу ликвидации созданного на XIX съезде КПСС именно по инициативе Сталина расширенного Президиума ЦК КПСС, а более обширное заседание пленума Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР.

На этом заседании присутствовало около 300 партийных и государственных работников. Заседание проходило в Свердловском зале Кремля. Почти все вызванные на это историческое заседание пришли за 30–40 минут до его начала, но сидели молча. Никто между собой не переговаривался. Никто не знал точной повестки дня, как и того, что Сталин находится на даче в Кунцеве, а не здесь рядом, в Кремле, в своей квартире, как сообщалось в первом бюллетене о его болезни, опубликованном лишь накануне, 4 марта. Ровно в 20 часов из задних дверей Свердловского зала вошли и сели за стол не 25 человек, выбранных в Президиум при Сталине, а только те, кто состоял при Сталине в Бюро Президиума, и Молотов и Микоян. Константин Симонов, бывший тогда кандидатом в члены ЦК КПСС, так сформулировал свое впечатление: «Вышло и село за стол прежнее Политбюро, к которому добавились Первухин и Сабуров»³⁷. Один из более поздних комментаторов этого заседания, историк Н. Барсуков, первым ознакомившийся в 1989 году в секретных архивах с протоколом, так комментирует его работу: «Он [Сталин] альтернативу своей власти мог видеть в коллективности руководства,

³⁷ Симонов К. Глазами человека моего поколения: Размышления о Сталине. М.: Книга, 1989. С. 228.

тем самым пытаясь предупредить и возможные узурпаторские попытки кого-либо из “соратников”. Отсюда и 36 членов и кандидатов в члены Президиума ЦК, из которых “старая гвардия” составляла явное меньшинство, не более трети.

Однако с XIX съезда КПСС до кончины Сталина прошло слишком мало времени, чтобы новый состав партийного руководства мог сплотиться и укрепиться. И потому так легко и быстро, прямо в день смерти Сталина, его ближайшие соратники восстановили свое господство в руководстве партией и страной. Это свидетельствует, что они тщательно готовились к такому повороту событий. Вывести в одночасье 22 человека из Президиума без предварительного сговора невозможно. Провести акцию надо было немедленно, воспользовавшись шоковым состоянием. В качестве оправдания такой меры ссылались на чрезвычайные обстоятельства, необходимость высокой оперативности, укрепления авторитета власти. Расчет был точным. У гроба “великого вождя” никто из новых членов партийного руководства, естественно, не решился вступить в борьбу за власть. Не было у них и никакой возможности обменяться мнениями по этому вопросу. “Операция” прошла без осложнений»³⁸.

Заседание продолжалось всего 40 минут, но его решения считались окончательными и для партийных, и для государственных инстанций. Председательствовал на заседании Хрущев, инициатива основных перемен с памятного дня 1 марта принадлежала именно ему. Сначала собравшиеся заслушали краткое сообщение министра здравоохранения Третьякова, чтобы не было сомнений в неизбежности исхода болезни. Вторым с краткой речью выступил Маленков, который напоминал собравшимся о необходимости «сплоченности руководства». Затем Хрущев предоставил слово Берии о кандидатуре Председателя Совета Министров СССР. От имени Бюро Президиума Берия предложил на этот пост Маленкова. На отдельное голосование это предложение не ставилось – его утвердили возгласами с мест: «Правильно! Утвердить». Затем уже Маленков предложил собравшимся обширную программу реорганизаций, состоявшую из 17 пунктов. Главным из них было сокращение Президиума ЦК КПСС (для большей оперативности в руководстве) до 11 членов. Сталин был еще жив, и поэтому его включили в состав нового Президиума. Первыми заместителями Председателя Совета Министров СССР были назначены Берия, Молотов, Булганин и Каганович. Ворошилов сменил Шверника на посту Председателя Президиума Верховного Совета СССР. МГБ и МВД объединялись в одно общее министерство, во главе которого был поставлен Берия.

Положение самого Хрущева в этой реорганизации не выглядело как повышение. Он сохранил пост секретаря ЦК КПСС, но потерял пост первого секретаря Московского комитета КПСС. В списке членов нового Президиума ЦК КПСС, составленном, как было тогда принято, не по алфавиту, а по рангу, Хрущев стоял шестым, после Сталина, Маленкова, Берии, Молотова и Ворошилова. Булганин был отодвинут на седьмое место. Все члены нового Президиума ЦК КПСС, кроме Хрущева, вошли также и в особый орган – Президиум Совета Министров СССР.

По характеру реорганизаций было очевидно, что центр власти в стране передвигается из ЦК КПСС к Совету Министров. На заседаниях Президиума ЦК КПСС до конца 1953 года председательствовал также Маленков, сохранивший свой пост Секретаря ЦК КПСС.

Эти решения были восприняты вполне однозначно – новым лидером страны, политическим наследником Сталина стал Маленков. Возвращение Берии к руководству и государственной безопасности, и всей военной и полувоенной системой МВД было для Хрущева и Булганина поражением. Но предотвратить этого они не смогли. Компенсацией этому было усиление Министерства обороны СССР. Пункт шестой реорганизации подтверждал назначение Маршала Советского Союза тов. Булганина Н. А. военным министром СССР и первыми

³⁸ Барсуков Н. Март 1953-го: Страницы истории КПСС // Правда. 1989. 27 окт. С. 3.

заместителями военного министра СССР – Маршала Советского Союза тов. Василевского А. М. и Маршала Советского Союза тов. Жукова Г. К.³⁹

Прений по предложениям не было. По свидетельству Симонова, на лицах членов президиума заседания была не скорбь, а скорее облегчение. «Было такое ощущение, что вот там, в президиуме, люди освободились от чего-то давившего на них, связывавшего их»⁴⁰.

В 20.40 Хрущев объявил совместное заседание закрытым. Члены вновь избранного Президиума ЦК КПСС заспешили на дачу в Кунцево. Они успели вовремя. Примерно через полчаса после их прибытия, в 21 час 50 минут, врачи констатировали смерть Сталина. Они вошли в комнату, где умирал Сталин, лишь после констатации смерти и простояли в молчании возле покойного вождя около 20 минут. Затем все уехали в Кремль, где, опять в кабинете Сталина, члены партийного и государственного руководства должны были решать срочные проблемы. Началась новая историческая эпоха. В последний раз восемь старых членов сталинского Политбюро пришли в кремлевский кабинет Сталина в ночь с 9 на 10 марта 1953 года после похорон. Первым вошел в кабинет Маленков, за ним проследовал Берия. Хрущев был последним.

³⁹ Протокол совместного совещания Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР 5 марта 1953 г. // Источник. 1994. № 1. С. 107–111.

⁴⁰ Симонов К. Глазами человека моего поколения... С. 228.

Секретный наследник Сталина

Завещание Сталина

Историки хорошо знают тех ближайших соратников Сталина, которых он не хотел оставлять своими политическими наследниками. Эти люди были уничтожены в разные периоды сталинского правления. Историкам, однако, до сих пор неизвестно, каких партийных и государственных лидеров Сталин готовил себе на смену, безусловно, рассчитывая, что они сохранят и культ Сталина, и созданную Сталиным советскую империю.

Ленин, как известно, составил во время своей болезни документ, который можно назвать «политическим завещанием». Однако, дав своим ближайшим ученикам и соратникам политические и деловые характеристики, Ленин так и не смог выделить среди них кого-либо одного, которого он представлял как нового вождя ВКП(б). «Завещание» Ленина было составлено для будущего партийного съезда, а не для Центрального Комитета ВКП(б). Это определялось тем, что выдвижение преемника Ленина не было, в случае его смерти, срочной задачей. В течение всего 1923 года Ленин уже не управлял партией и государством. Поэтому никаких срочных реорганизаций после смерти Ленина не требовалось. Новый вождь постепенно выдвигался партийной элитой не на основе революционных заслуг, близости к Ленину или особых личных способностей, а на основе защищаемой им программы.

Если бы партийные верхи стремились к международному расширению революционного процесса, к быстрому триумфу марксизма не только в России, но и в большей части Европы и Азии, то на этой волне вождем, безусловно, стал бы Троцкий. Но партийная элита хотела стабильности и построения социализма в одной стране, в которой она уже стояла у власти. Эту политику в максимальной степени олицетворял Сталин. Сталин не был узурпатором власти. К роли диктатора он шел достаточно медленно, с 1923 года до конца 1929 года. Это определялось тем, что Сталин мог увеличивать свою власть лишь одновременно с аккумуляцией своего авторитета, культа своей личности.

Ленин не был диктатором, он был вождем. Его власть определялась его авторитетом, ореолом политической «гениальности». Эта гениальность как бы сливалась с гениальностью Маркса и выражалась не в простом захвате власти в одной стране, а в повороте всего исторического развития человечества к новой эпохе, предсказанной учением марксизма. Власть Ленина опиралась на победу Октябрьской революции, главным стратегом и организатором которой был именно он.

Сталин после смерти Ленина стал «первым среди равных», но не вождем просто потому, что у него к этому времени не было никаких достижений, которые можно было бы охарактеризовать как исторические. Новая экономическая политика 1920-х годов была популярной и очень успешной. Но она развивала страну и улучшала жизнь людей стихийно, в большей степени благодаря капиталистическим рыночным законам спроса и предложения, а не в результате социалистических принципов плановой экономики. Сталин стал реальным вождем страны в результате именно им организованной новой «революции сверху», коллективизации сельского хозяйства СССР в 1929–1931 годах, с одновременной ликвидацией нэпа и началом первой пятилетки социалистической индустриализации. Победа в войне с Германией в 1941–1945 годах сделала Сталина вождем не только Советского Союза, но и всего огромного блока социалистических стран, своеобразной коммунистической империи, протянувшейся от «Берлина до Пекина».

Между тем вблизи Сталина среди его «верных соратников» не было ни одного действительно яркого, талантливого и даже просто хорошо образованного человека. Старая и, без-

условно, чувствуя приближение конца, о котором он говорил все чаще и чаще, Сталин не мог, по примеру Ленина, готовить для «посмертного» съезда партии подробные характеристики положительных и отрицательных качеств своих ближайших соратников. У четырех наиболее близких к Сталину в 1952 году партийных лидеров – Маленкова, Берии, Хрущева и Булганина – не было никаких выдающихся достоинств. Их авторитет определялся лишь их близостью к Сталину, а не собственными возможностями. Сталин не смог бы даже написать в своем возможном «завещании», кто из известных членов Политбюро является наиболее образованным марксистом-ленинистом, так как теоретически мыслящих людей в сталинском Политбюро вообще не было. Среди рядовых партийцев и в широких слоях народа общепризнанным преемником Сталина и в 1952 году все еще считался Молотов. Почти никто не знал, что Молотов уже давно потерял свое влияние и не выполнял ни в партии, ни в государственном аппарате каких-либо важных функций. Не было широко известно и то, что жена Молотова Полина Жемчужина была обвинена в «связях с сионизмом», «измене Родине» и арестована. Освобождение Молотова с поста министра иностранных дел в 1949 году было, по существу, началом его опалы.

Не имея преемника, Сталин, безусловно, понимал, что «коллективное руководство», которое останется после его возможной смерти, будет еще менее устойчивым, чем то, которое осталось после смерти Ленина. Тогда, в 1924 году, противоречия между ближайшими соратниками умершего вождя основывались на каких-то принципиальных политических разногласиях. Между соратниками самого Сталина не было политической борьбы, а лишь соперничество за власть и влияние, поощрявшееся самим Сталиным.

Между тем проблема преемственности в руководстве страной приобретала все большую актуальность. Формальные заседания полного состава Политбюро собирались в 1950 году только шесть раз, в 1951 году пять раз и лишь четыре раза в 1952 году. Продолжительность отъездов Сталина на юг для отдыха и лечения все время увеличивалась. В 1949 году Сталин провел на юге на разных дачах три месяца. В 1950 году он не появлялся в своем кремлевском кабинете пять месяцев, с начала августа до конца декабря. В 1951 году его «отпуск» начался 9 августа и закончился только 12 февраля 1952 года, растянувшись на шесть месяцев⁴¹.

В июне 1952 года Сталин сообщил своим соратникам о решении собрать XIX съезд ВКП(б). По Уставу партии съезды должны были собираться каждые три года. Но хотя последний съезд состоялся в марте 1939 года, решение Сталина застало других партийных лидеров врасплох. Съезд был намечен на октябрь. Хрущев пишет в своих воспоминаниях, что в течение некоторого времени после этого решения Сталин не сообщал ничего об организации съезда и о том, будет ли он сам выступать с отчетным докладом⁴². Было очевидно, что Сталину слишком трудно произнести многочасовой отчетный доклад самому, но для партии было важно узнать, кому именно будет поручена эта задача. Не исключалось, однако, что Сталин может стать автором доклада, который будет распространен среди делегатов в письменном виде. В конечном итоге Сталин решил иначе. Подготовка отчетного доклада была поручена Маленкову. Доклад об изменениях в Уставе партии предстояло сделать Хрущеву. Доклад о предложениях Политбюро по переработке Программы партии был возложен на Кагановича. Последний доклад о новом пятилетнем плане развития экономики предстояло подготовить Михаилу Сабурову, Председателю Госплана СССР.

Непосредственно перед началом работы XIX съезда ВКП(б) «Правда» опубликовала несколько статей Сталина под общим названием «Экономические проблемы социализма». На основе этих статей была также начата подготовка учебника политэкономии социализма. Съезд партии, на котором сам Сталин уже не был в состоянии выступить с традиционным отчетным

⁴¹ Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина // Исторический архив. 1996, № 5–6; 1997, № 1.

⁴² Khrushchev remembers. New York: Little, Brown & Company Inc., 1971. P. 243–244.

докладом, воспринимался немалым числом вдумчивых людей как «завещательный». Статьи Сталина по экономике социализма были объявлены «программными» для построения коммунизма. Выбор основных докладчиков определял, как было логично предположить, расстановку сил в руководстве страны на ближайший период. Общее политическое руководство партией возлагалось на Маленкова. Организационная работа партийного аппарата передавалась Хрущеву. Каганович как старый революционер, работавший еще с Лениным, был символом преемственности в формулировании главных целей ВКП(б). Сабуров, не бывший в 1952 году даже членом Центрального Комитета ВКП(б), был представителем новой технократии в правительстве. Все, конечно, понимали, что за каждым из этих четырех докладов в действительности стоит Сталин. Тексты докладов готовились специальными комиссиями и просматривались и правились Сталиным в большей мере, чем самими докладчиками.

Особое значение, как и на всех прежних съездах, имел выбор нового состава Центрального Комитета ВКП(б). С 1939 года, когда состоялся XVIII съезд ВКП(б), число членов партии в СССР увеличилось втрое, достигнув почти семи миллионов человек. Соответственно увеличивался и состав Центрального Комитета, в который избирались 125 членов и 111 кандидатов. Название партии по предложению Сталина было изменено. Из партии «большевиков» она стала Коммунистической партией Советского Союза. Из структуры руководящих органов партии в новом Уставе КПСС исчезло ставшее привычным Политбюро. Его заменял новый орган – Президиум ЦК КПСС, число членов которого не было определено. Состав этого Президиума также не обсуждался перед съездом.

Никто не догадывался, что в этих, как казалось, чисто протокольных формальностях, по существу, и состоял скрытый план Сталина по радикальному изменению руководства партией и страной. Свое политическое завещание Сталин решил осуществить самолично. Он хотел выдвинуть на всесоюзную и международную арену новых людей, прежде всего таких, которые берегли бы и развивали культ Сталина в той же мере, как и он сам после смерти Ленина берег и развивал культ Ленина. Пока еще тайное намерение Сталина состояло в том, чтобы сохранить в истории «великую эпоху Сталина».

Начало реализации завещания Сталина

5 октября 1952 года XIX съезд ВКП(б) открыл Молотов. Широкие массы людей не должны были знать о действительной расстановке сил в высшем руководстве. Закрывал съезд Ворошилов. Именно эти члены Политбюро имели самый длительный после Сталина партийный стаж (Молотов с 1906 года, Ворошилов с 1903 года), и именно это определяло процедурные формальности.

В работе съезда, открытого для гостей и прессы, нужно было демонстрировать полное единство. Все члены Политбюро, даже Алексей Косыгин, о котором давно не упоминалось в прессе, появились в первый вечер в президиуме съезда. В отчете о первом дне съезда, напечатанном в газетах на следующее утро, сообщалось: «...Появление на трибуне товарища Сталина и его верных соратников тт. Молотова, Маленкова, Ворошилова, Булганина, Берии, Кагановича, Хрущева, Андреева, Микояна, Косыгина делегаты встречают долгими аплодисментами». Порядок имен в этом списке соответствовал по традиции того времени относительному рангу каждого члена Политбюро. Это было известно и делегатам съезда, и западным аналитикам. Поэтому многие среди них не могли не обратить внимание на тот неожиданный факт, что Берия был сдвинут со своего обычного третьего места на пятое. До этого в списках Политбюро он всегда шел сразу за Маленковым. Сейчас его опередили Ворошилов и Булганин.

Еще более показательным по отношению к Берии был тот факт, что при избрании нового, значительно расширенного Центрального Комитета, уже КПСС, а не ВКП(б), в его состав не вошли близкие друзья и сотрудники Берии Всеволод Меркулов и Владимир Деканозов, быв-

шие членами ЦК ВКП(б) прежнего состава. Меркулов и Деканозов стали друзьями Берии еще в бакинской технической школе в 1915–1916 годах, в юношеские годы, и шли за ним и вместе с ним в течение 35 лет, обычно в ранге его первых заместителей. В 1940–1941 годах Владимир Деканозов был послом СССР в Германии, а Всеволод Меркулов первым заместителем наркома НКВД. В 1952 году Меркулов занимал пост министра государственного контроля СССР, а Деканозов был министром МВД Грузинской ССР. Эти изменения говорили о снижении власти Берии. Однако на съезде ему было предоставлено слово для выступления. На положении Берии, безусловно, отражался тот факт, что в октябре 1952 года подходило к концу следствие по так называемому «грузинскому делу», по которому в Грузии было арестовано в 1951 году много государственных и партийных работников, в основном среди мингрелов и выдвиненцев Берии. Им инкриминировались взятки, сепаратизм и стремление к отделению Грузии от СССР.

Новый Центральный Комитет КПСС собрался на свое первое заседание 16 октября 1952 года для выбора исполнительных органов. Предстояло избрание секретарей ЦК, председателя Комиссии партийного контроля и Президиума ЦК, заменявшего привычные Политбюро и Оргбюро. Председательствовавший на пленуме ЦК Маленков предоставил первое слово Сталину. Выступление Сталина продолжалось, неожиданно для членов ЦК, почти полтора часа. Говорил он ясно, сурово, без всяких листков, явно хорошо подготовленный. Ни стенограммы, ни протокола этого заседания не велось, либо они были впоследствии уничтожены. Воспроизвести основные положения речи Сталина можно в настоящее время лишь по воспоминаниям участников этого пленума. Об этой речи подробно вспоминают Н. С. Хрущев, Дмитрий Шепилов и писатель Константин Симонов, избранный на съезде кандидатом в члены ЦК КПСС. Как писатель, Симонов дает наиболее образное и близкое к реальности описание, отмечая, что завещательный характер этой речи не вызывал сомнений: «Главное в его речи сводилось к тому (если не текстуально, то по ходу мысли), что он стар, приближается время, когда другим придется продолжать делать то, что он делал, что обстановка в мире сложная и борьба с капиталистическим лагерем предстоит тяжелая и что самое опасное в этой борьбе дрогнуть, испугаться, отступить, капитулировать. Это и было самым главным, что он хотел не просто сказать, а внедрить в присутствующих, что, в свою очередь, было связано с темой собственной старости и возможного ухода из жизни.

... Главной особенностью речи Сталина было то, что он не считал нужным говорить вообще о мужестве или страхе, решимости и капитулянтстве. Все, что он говорил об этом, он привязал конкретно к двум членам Политбюро, сидевшим здесь же, в этом зале, за его спиной, в двух метрах от него, к людям, о которых я, например, меньше всего ожидал услышать то, что говорил о них Сталин.

Сначала со всем этим синодиком обвинений и подозрений, обвинений в нестойкости, в нетвердости, подозрений в трусости, капитулянтстве, он обрушился на Молотова. Это было настолько неожиданно, что я сначала не поверил своим ушам, подумал, что ослышался или не понял. Оказалось, что это именно так...

При всем гнев Сталина, иногда отдававшим даже невоздержанностью, в том, что он говорил, была свойственная ему железная конструкция. Такая же конструкция была и у следующей части его речи, посвященной Микояну, более короткой, но по каким-то своим оттенкам, пожалуй, еще более злой и неуважительной...

Не знаю, почему Сталин выбрал в своей последней речи на пленуме ЦК как два главных объекта недоверия именно Молотова и Микояна. То, что он явно хотел скомпрометировать их обоих, принизить, лишить ореола одних из первых после него самого исторических фигур, было несомненно...

Почему-то он не желал, чтобы Молотов после него, случись что-то с ним, остался первой фигурой в государстве и в партии. И речь его окончательно исключала такую возможность...»⁴³

По свидетельству Шепилова, «Сталин с презрительной миной говорил о том, что Молотов запуган американским империализмом, что, будучи в США, он слал оттуда панические телеграммы, что такой руководитель не заслуживает доверия, что он не может состоять в руководящем ядре партии... В таком же тоне Сталин выразил политическое недоверие Микояну и Ворошилову»⁴⁴. Член ЦК КПСС Л. Н. Ефремов, также оставивший воспоминания об этом пленуме, сообщал о том, что одно из обвинений Сталина Молотову касалось того, что именно Молотов как министр иностранных дел СССР дал согласие послу Великобритании на издание в СССР на русском языке некоторых британских журналов и газет.

Сталин также обвинял Молотова в том, что многие детали, даже секретных заседаний Политбюро, он рассказывал своей жене Полине Жемчужиной: «Получается, что какая-то невидимая нить соединяет Политбюро с супругой Молотова Жемчужиной и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять. Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо»⁴⁵. К этому времени Жемчужина была в заключении, осужденная по делу Еврейского антифашистского комитета, который был обвинен в работе на Израиль.

Сталин не подвергал критике других членов Политбюро и не давал им каких-либо характеристик. Среди них никто, кроме Маленкова, не рассматривался как возможный преемник Сталина. Каганович, в условиях уже широко развернувшейся антисемитской кампании, не мог претендовать на высший пост в стране. Хрущева не только Сталин, но и члены ЦК КПСС никогда не рассматривали как серьезного претендента на власть.

Однако для проверки намерений и амбиций Маленкова Сталин подготовил особый достаточно сложный маневр. В 1951–1952 годах Сталин уже не руководил работой Секретариата ЦК ВКП(б). Эту работу выполнял Маленков. Должность Генерального секретаря была неофициально ликвидирована, но Сталин все еще был Секретарем ЦК, наряду с другими. Свою власть Сталин осуществлял прежде всего как Председатель Совета Министров СССР и как Председатель Политбюро. На заседаниях Секретариата председательствовал Маленков. Он был, таким образом, вторым человеком в партии. Однако Сталин знал ограниченные возможности Маленкова. По свидетельству Хрущева, Сталин часто говорил, что Маленков – это человек, который ходит «на чужом поводке». «...Это писарь. Резолюцию он напишет быстро, не всегда сам, но организует людей. Это он сделает быстрее и лучше других, а на какие-нибудь самостоятельные мысли и самостоятельную инициативу он не способен»⁴⁶.

В своей речи Сталин, ссылаясь на старость, сказал, что ему уже трудно совмещать пост Председателя Совета Министров и Секретаря ЦК. Он готов остаться в правительстве и в Президиуме ЦК, но от поста Генсека просит его освободить. Председательствовавший на пленуме Маленков должен был поставить эту просьбу Сталина на обсуждение. Константин Симонов как новичок в ЦК, считавший просьбу Сталина вполне понятной, свидетельствует в своих мемуарах о том, какой эффект произвело именно это заявление Сталина на Маленкова: «...На лице Маленкова я увидел ужасное выражение – не то чтоб испуга, нет, не испуга, – а выражение, которое может быть у человека, яснее всех других или яснее, во всяком случае, многих других осознавшего ту смертельную опасность, которая нависла у всех над головами и которую еще не осознали другие: нельзя соглашаться на эту просьбу товарища Сталина, нельзя соглашаться, чтобы он сложил с себя вот это одно, последнее из трех своих полномочий, нельзя. Лицо Маленкова, его жесты, его выразительно вздетые руки были прямой мольбой ко всем

⁴³ Симонов К. Глазами человека моего поколения... С. 211–213.

⁴⁴ Шепилов Д. Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 30.

⁴⁵ Ефремов Л. Н. Неопубликованная речь И. В. Сталина на Пленуме ЦК КПСС 16 октября 1952 г. // Досье «Гласности» 2000. № 3. С. 9.

⁴⁶ Хрущев Н. С. Воспоминания. С. 286.

присутствующим немедленно и решительно отказать Сталину в его просьбе. И тогда, заглушая раздавшиеся уже и из-за спины Сталина слова: “Нет, просим остаться!”, или что-то в этом духе, зал загудел словами: “Нет! Нельзя! Просим остаться! Просим взять свою просьбу обратно!”»

Столь спонтанная и бурная реакция зала на просьбу Сталина, по-видимому, спасла Маленкова. Константин Симонов пишет: «Когда зал загудел и закричал, что Сталин должен остаться на посту Генерального секретаря и вести Секретариат ЦК, лицо Маленкова, я хорошо помню это, было лицом человека, которого только что миновала прямая, реальная смертельная опасность, почувствуй Сталин, что там сзади, за его спиной, или впереди, перед его глазами, есть сторонники того, чтобы удовлетворить его просьбу, думаю, первый, кто ответил бы за это головой, был бы Маленков»⁴⁷.

Только теперь, когда пленум ЦК в едином порыве отверг просьбу Сталина о замене его на посту Генерального секретаря, Сталин, вынув из кармана лист бумаги, зачитал приготовленный им заранее список членов и кандидатов нового Президиума ЦК КПСС. Этот список, состоявший из 25 членов и 11 кандидатов Президиума, был встречен с облегчением в зале и с растерянностью в президиуме заседания. Список утвердили без обсуждения. Порядок имен в списке шел уже не по рангу, а по алфавиту. Из прежнего Политбюро в состав нового Президиума вошли лишь девять человек. А. А. Андреев был исключен без объяснения причин. А. Н. Косыгин был понижен в кандидаты Президиума. Молотов и Микоян были оставлены в списке, и это все восприняли с удовлетворением. Но при столь большом числе новых членов высшего руководства партии удаление из Президиума нескольких старых членов было облегчено и могло произойти очень скоро. Секретариат ЦК КПСС также был расширен вдвое.

Хрущев в своих воспоминаниях так описывает впечатление своих коллег от этих неожиданных перемен: «Когда пленум завершился, мы все в президиуме обменялись взглядами. Что случилось? Кто составил этот список? Сталин сам не мог знать всех этих людей, которых он только что назначил. Он не мог составить такой список самостоятельно. Я признаюсь, что подумал, что это Маленков приготовил список нового Президиума, но не сказал нам об этом. Позднее я спросил его об этом. Но он тоже был удивлен: “Клянусь, что я абсолютно никакого отношения к этому не имею. Сталин даже не спрашивал моего совета или мнения о возможном составе Президиума”. Это заявление Маленкова делало проблему более загадочной. Я не мог представить, что Берия был к этому причастен, так как в новом Президиуме были люди, которых Берия никогда не мог бы рекомендовать Сталину. Молотов и Микоян также не могли иметь к этому отношения. Булганин тоже не знал ничего об этом списке... Некоторые люди в списке были малоизвестны в партии, и Сталин, без сомнения, не имел представления о том, кто они такие»⁴⁸.

Дополнительно к Президиуму ЦК Сталин утвердил на этом пленуме и небольшое Бюро Президиума, орган, не предусмотренный Уставом КПСС. В Бюро вошли некоторые из его близких соратников, но между ними не были распределены сферы ответственности, как это делалось между членами Политбюро. Более того, о существовании этого Бюро не упоминалось ни в отчетах съезда, ни в сообщениях печати. Бюро также не принимало никаких формальных решений. Только четверо партийных лидеров, Маленков, Берия, Хрущев и Булганин, регулярно приглашались Сталиным после съезда на дачу в Кунцево на традиционные ночные обеды. По-видимому, именно их он хотел держать под постоянным наблюдением. 20 октября 1952 года Сталин принял в кремлевском кабинете десять новых секретарей ЦК, среди которых был молодой Брежнев, избранный кандидатом Президиума. Сталин познакомился с Брежневым только во время работы съезда, и Брежнев ему понравился.

⁴⁷ Симонов К. Глазами человека моего поколения... С. 214.

⁴⁸ Khrushchev remembers. P. 247.

После завершения работы съезда и реорганизации руководящих органов КПСС Сталин не поехал, как это ожидалось, в свой обычный осенне-зимний отпуск в Абхазию. Это свидетельствовало о том, что он не считал реорганизацию законченной. В ноябре 1952 года Сталин уделял много времени скорейшему завершению следствия по двум репрессивным кампаниям – «делу врачей» и «мингрельскому делу», познакомился с новыми членами Президиума ЦК КПСС и провел два заседания Бюро Президиума. Впервые с 1945 года Сталин присутствовал в Кремле на торжественном заседании 6 ноября в честь 35-й годовщины Октябрьской революции. Доклад на этом заседании сделал М. Г. Первухин. Почти все вновь избранные члены Президиума ЦК КПСС рассаживались, как это было раньше принято, в президиуме заседания, однако какой-либо особой традиционной субординации пока еще не было. 7 ноября 1952 года Сталин в зимней форме генералиссимуса принимал на Мавзолее Ленина традиционный парад Московского гарнизона на Красной площади. Справа и слева от Сталина на трибуне Мавзолея стояли маршалы Булганин и Тимошенко, но другие члены партийного руководства выстроились уже «по рангу»: Маленков, Берия, Хрущев, Каганович, Молотов, Шверник, Первухин, Сабуров, Микоян, Пономаренко, Суслов, Шкирятов, Аристов, Пегов и Брежнев. Ворошилов по традиции стоял рядом с Буденным в группе маршалов справа от Булганина.

В декабре 1952 года и в январе 1953 года, по свидетельству генерала Судоплатова, шла широкая смена кадров в МВД и в МГБ. Министр МВД С. Н. Круглов и министр МГБ С. Д. Игнатъев были избраны членами нового ЦК КПСС, а их заместители И. А. Серов и И. И. Масленников (МВД) и С. А. Гоглидзе и В. С. Рясной (МГБ) кандидатами в члены ЦК. Одновременно из состава руководителей МВД и МГБ удалялись все служащие (даже высокого ранга) еврейской национальности. В феврале 1953 года эта «антиеврейская» реорганизация была распространена на все областные управления МГБ. 22 февраля 1953 года совершенно секретный приказ № 17, разосланный по всем областным управлениям МГБ, предписывал уволить немедленно из МГБ всех сотрудников еврейской национальности, вне зависимости от их чина, возраста и заслуг. Уже 23 февраля все они были уволены «по сокращению штатов» и должны были сдать свои дела в течение всего лишь одного дня. Такая сверхсрочность «зачистки» МГБ от сотрудников-евреев говорила о близости каких-то серьезных событий. Но обычно все прежние сталинские репрессивные кампании начинались с арестов и ликвидации в центральных органах власти, за которыми шли волны арестов и депортаций по республикам и областям. Начало подготовленной Сталиным кампании должно было произойти в Москве. Антисемитский погром, который готовился параллельно, был удобным фоном и для всех радикальных перемен в партийно-государственном руководстве.

Нет сомнения в том, что те люди, на которых хотел опереться Сталин, сместив некоторых старых соратников, и прежде всего Берия и Маленкова, вошли в состав нового Президиума ЦК. Из прежнего Политбюро вошли в этот Президиум Берия, Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Микоян, Молотов, Сталин, Хрущев и Шверник. Новыми членами были избраны: В. М. Андрианов, А. Б. Аристов, С. Д. Игнатъев, Д. С. Коротченко, В. В. Кузнецов, О. В. Куусинен, В. А. Малышев, Л. Г. Мельников, Н. А. Михайлов, М. Г. Первухин, П. К. Пономаренко, М. З. Сабуров, М. А. Суслов, Д. И. Чесноков, М. Ф. Шкирятов – всего 15 человек.

Безусловно, что кто-то именно из этих людей, тот, кого Сталин рассматривал как своего наиболее надежного преемника, помог ему составить и весь этот, так удививший Хрущева и Маленкова, список. Тогда, в 1952 году, никто из ближайшего окружения Сталина не мог понять его выбор, найти в нем человека, способного без сожаления и без колебаний отправить их всех, «сталинскую гвардию», в отставку, и это в лучшем случае.

Сейчас, когда нам уже известно, кто именно был в последующие 30 лет после смерти Сталина главным идеологом КПСС, главным сталинистом, остановившим поток разоблачений культа личности, главным консерватором и главным цензором в СССР, кто сумел, хотя и не сразу, действительно удалить из руководства КПСС всю «сталинскую гвардию», вклю-

чая самого Хрущева, мы без труда можем найти в этом списке имя того человека, на которого решил опереться Сталин. Сталин не сделал ошибки в выборе надежного, беспощадного, умного и марксистски хорошо образованного союзника и фанатика коммунистических идей. Но он ошибся в объективной оценке своего собственного здоровья и времени, отпущенного ему историей. Он рассчитывал на годы, а может быть, хотя бы на месяцы жизни. Счет же шел уже лишь на дни или недели. Но то, что ни Маленков, ни даже более умный Берия не смогли разгадать полностью замысел Сталина, спасло его тайного союзника. Выбранный им наследник смог, благодаря собственным качествам, выдвинуться в последующем на вершины власти без всякого покровительства. Он не стал вождем партии, но ему было достаточно быть ее первым кардиналом.

Проблемы преемственности власти в СССР

Вопрос о преемнике Сталина в руководстве страной возникал и в 1930-е годы всякий раз, когда Сталину предоставлялся отпуск для отдыха и лечения. Как это видно из писем Сталина, направлявшихся из его курортных резиденций Молотову, Орджоникидзе, Кирову и некоторым другим соратникам, главным постом в стране был в то время пост Председателя Политбюро ЦК ВКП(б), а не Генерального секретаря. Все основные принципиально важные решения принимались на заседаниях Политбюро коллегиально, а не единолично. Это была не демократия, а круговая порука. Секретариат ЦК, Оргбюро ЦК были исполнительными органами. Совет Народных Комиссаров СССР был также исполнительным, организационным звеном в управлении страной. Директивными органами были Политбюро и ЦК ВКП(б), но пленумы ЦК ВКП(б) при отсутствии Сталина никогда не созывались. Председательство на заседаниях Политбюро в период отпуска Сталина переходило к Молотову. В тех случаях, когда Молотов из-за собственных отъездов или по болезни не мог выполнять этой функции, кресло председателя на заседаниях Политбюро занимали Каганович или Валериан Куйбышев. Полным доверием Сталина пользовался также Сергей Миронович Киров.

Эта традиционная иерархия приоритетов в структуре органов власти в СССР была изменена в мае 1941 года, когда Сталин занял также пост Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, сделав прежнего главу правительства, Молотова, своим заместителем. К маю 1941 года было очевидно, что война с Германией неизбежна. Большая часть германской армии была уже сосредоточена на западной границе СССР. Сообщения разведки не оставляли сомнений в подготовке Гитлером нападения на СССР, спорными были лишь возможные сроки этого нападения.

В этих условиях прежняя структура власти, разделенная на директивные и исполнительные органы, уже не подходила. Любые принципиальные решения должны были приводиться в действие немедленно. Появление Сталина на посту Председателя СНК СССР сразу сделало именно этот пост главным в стране. Но теперь, при неизбежных отъездах Сталина из Москвы по тем или иным делам (на Конференцию глав союзных держав в Тегеране в ноябре 1943 года или на Ялтинскую конференцию в феврале 1945 года), он уже не оставлял в Москве одного лидера для выполнения всех своих функций. В Государственном Комитете Обороны, в Ставке Верховного Главнокомандующего, в СНК полномочия Сталина передавались его первому заместителю. Временное руководство партийными делами передавалось А. А. Жданову, который уже после XVIII съезда ВКП(б) выполнял функции второго секретаря ЦК ВКП(б). Но Политбюро, членами которого были 9 человек, в этот период уже не играло столь важную роль. Формальных заседаний Политбюро почти не было. Многие проблемы решались опросами по секретной связи.

Впервые вопрос о более долгосрочном преемнике Сталина на всех постах возник осенью 1945 года, когда он, также впервые, тяжело заболел после всех напряжений закончившейся

войны. Дочь Сталина Светлана пишет в своих воспоминаниях, что в 1945 году она в последний раз встречалась с отцом в августе. «В следующий раз мы увиделись нескоро. Отец заболел и болел долго... Сказались напряжение и усталость военных лет и возраст – ему ведь было уже шестьдесят шесть лет»⁴⁹. По журналам посетителей Сталина, опубликованным «Историческим архивом» в 1994–1997 годах, можно обнаружить, что Сталин был в Кремле 8 октября 1945 года, а затем отсутствовал до 17 декабря.

В 1949 году, когда Светлана стала женой Юрия Жданова, он рассказывал ей, что были дни, когда состояние Сталина было настолько критическим, что его отец, член Политбюро А. А. Жданов, проводил почти все время в Кремле, ожидая возможной передачи ему временных полномочий руководства партией и страной. Жданов действительно, по выбору самого Сталина, являлся в тот период вторым человеком в партии. Андрей Жданов, которому тогда исполнилось лишь 49 лет, был близким другом Сталина. В это время Жданов руководил идеологическим отделом ЦК ВКП(б) и одновременно выполнял много других партийных и государственных функций.

По линии правительства преемником Сталина, бесспорно, был В. М. Молотов. Перед войной Молотов уже был Председателем Совета Народных Комиссаров более десяти лет. В 1945 году он был первым заместителем Сталина на этом посту, а также наркомом иностранных дел.

Жданов был вполне убежденным сталинистом, консерватором и сторонником почти полной культурной изоляции СССР от капиталистического мира. Молотов и Жданов были активными участниками сталинского террора в 1930-е годы. (Террор и Ленинграде после убийства Кирова можно назвать «ждановским».) Поэтому никакие реабилитации жертв этого террора не были в их интересах. Смерть Жданова 31 августа 1948 года, некоторые обстоятельства которой и до сих пор остаются не вполне ясными, изменила расстановку сил в партии и в государстве. В конце 1948 года жена Молотова, занимавшая важные посты в Министерстве легкой промышленности и в общественных организациях, была обвинена в связях с сионистами и исключена из ВКП(б) на заседании Политбюро по докладу Берии. В начале 1949 года Полина Жемчужина-Молотова была арестована. Широкие партийные массы ничего об этом не знали, и Молотов по-прежнему считался вторым после Сталина лидером. Но это было уже не так.

В партийном аппарате главную роль уже с июля 1948 года, после отъезда Жданова на лечение в санаторий, стал играть Маленков. Но полномочия Маленкова были уже, чем полномочия Жданова, которому, помимо идеологического, подчинялся также и международный отдел ЦК ВКП(б).

Вопросы внешней политики были переданы Михаилу Андреевичу Суслову, секретарю ЦК ВКП(б), ведавшему идеологическими вопросами. Суслов стал в аппарате ЦК ВКП(б) заведующим сразу двумя отделами: пропаганды и агитации и отдела внешних сношений ЦК ВКП(б). Отдел внешних сношений, помимо контроля за выездом советских граждан за границу, выполнял также много секретных функций помощи зарубежным компартиям и был тесно связан с Министерством государственной безопасности. Между МГБ и агитпропом также существовали взаимные связи, так как огромный аппарат всеобъемлющей цензуры (прессы, радио, телевидения, международной переписки, кинофильмов, театров и т. д.) находился под совместным контролем ЦК и МГБ.

К концу 1948 года пирамида власти в СССР изменилась. На вершине по-прежнему находился Сталин. Его возможным преемником в партийном аппарате стал Маленков, в большей степени технократ, а не идеолог (Маленков имел высшее техническое образование). По линии правительства на второе место после Сталина выдвинулся Николай Алексеевич Вознесенский, председатель Госплана СССР и член Политбюро с 1947 года.

⁴⁹ Аллилуева С. Двадцать писем к другу.

Вознесенский проявил себя блестящим организатором промышленности во время войны, став заместителем Сталина по Государственному Комитету Обороны. Он был образованным экономистом и самым молодым членом Политбюро (44 года). Сталин несколько раз открыто подчеркивал, что считает именно Вознесенского своим наиболее подходящим преемником на посту главы правительства. Большинство историков полагает, что именно это сделало Вознесенского объектом заговора со стороны Маленкова и Берии. Против Вознесенского были сфабрикованы настолько искусственные обвинения, что их в тот период даже не пытались открыто обсуждать в печати. Опала Вознесенского была почти секретной, о ней знали лишь немногие. В марте 1949 года Вознесенский был снят со своих постов и выведен из состава Политбюро. В октябре 1949 года он был арестован и в конце 1950 года расстрелян.

Ликвидация Вознесенского не была связана с «ленинградским делом», по которому в 1950 году также были уничтожены многие видные партийные работники. Для Вознесенского МГБ создало особое «дело Госплана». Однако было бы наивным считать, что ликвидация Вознесенского произошла по инициативе Берии и Маленкова. Инициатива в таких делах всегда исходила от самого Сталина, Берия и Маленков были лишь исполнителями, в данном случае вполне заинтересованными. Лично я предполагаю, что Сталин, действительно понимая наличие у Вознесенского реальных шансов и способностей для руководства всей страной и его популярность, не нашел других способов лишить его этих шансов, кроме ликвидации. Сталин понимал, что Вознесенский как человек яркий и независимый, не будет сохранять культ Сталина. Вознесенский не был фанатиком идеологии, он стремился бы к реформам. А главное, Вознесенский не был причастен ни к каким политическим репрессиям, он не обогрел свои руки в крови террора 1930-х годов. Он мог поэтому совсем иначе взглянуть на репрессии довоенного периода и дать им иную оценку, чем та, которая была официальной. Сталин не мог оставить после себя человека, который был способен заняться пересмотром истории СССР и ВКП(б).

На заседаниях Политбюро только два человека позволяли себе спорить, хотя и в осторожной форме, со Сталиным – Молотов и Вознесенский. Вознесенский был слишком самостоятельной фигурой, выдвинувшись в период войны не по протекции, а благодаря деловым качествам. Он не являлся в полной мере «сталинистом».

В опубликованной недавно стенограмме июньского пленума ЦК КПСС 1957 года, на котором обсуждалась деятельность так называемой антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича и других, приведен характерный спор Хрущева и Маленкова о деле Вознесенского:

«Хрущев. Я об этом скажу. Маленков, будучи секретарем Центрального Комитета партии, был одним из самых доверенных лиц у Сталина и систематически неправильно информировал его об очень многих делах. Когда Сталин стал выдвигать Вознесенского на пост Председателя Совета Министров, Маленков совместно с Берией сделал все для уничтожения Вознесенского.

Хочу спросить у гг. Маленкова, Кагановича, Булганина, сколько раз И. В. Сталин поднимал вопрос в нашем присутствии, почему бы не назначить Вознесенского на работу в Госбанк. И это было уже после того, как Берия совместно с Маленковым состряпали дело против Вознесенского.

Булганин. Правильно.

Хрущев. И все же Вознесенского в Госбанк не назначили, материалы на него все закручивали и закручивали и довели дело до ареста, а потом и уничтожения Вознесенского.

Маленков. Достаточно Сталину было бы сказать, как он был бы назначен. Кто мог пикнуть?

Хрущев. Маленков не говорил Сталину этого.

Маленков. Вот я и говорю, если бы Сталин сказал, почему не назначен Вознесенский, он был бы назавтра назначен.

Хрущев. Вы нашептывали Сталину, который в последние годы жизни был больным человеком.

Маленков. Что, я руководил Сталиным? Так сказать – смеяться будут»⁵⁰.

В истории ликвидации Вознесенского есть труднообъяснимые детали. Уже снятый со всех постов и исключенный из партии, Вознесенский ждал ареста более семи месяцев. Сталин все еще колебался. Потеряв Жданова и отодвинув Молотова, Сталин явно не хотел оставлять страну в случае своей смерти в руках Берии и Маленкова. Именно в это время, в декабре 1949 года, он вызывает из Киева Хрущева, чтобы сбалансировать власть Маленкова. Сталин милует Алексея Косыгина, который по «ленинградскому делу» проходил тогда в числе главных обвиняемых. Выдающийся организатор, причем без политических амбиций, может пригодиться для страны. Из Косыгина может выйти новый Вознесенский, но без претензий марксистского теоретика. Сталин в этом не ошибся.

Однако в 1950–1952 годах явным фаворитом Сталина в правительстве был не председатель Госплана СССР М. З. Сабуров, а В. А. Малышев, заместитель Председателя Совета Министров СССР. Сталин лично выдвинул молодого Малышева, тогда еще директора металлургического завода, на пост наркома тяжелого машиностроения в 1939 году. В годы войны Малышев был наркомом танкостроения и обеспечил снабжение Красной Армии танками, считавшимися лучшими в мире. По танкам СССР уже к 1943 году превосходил Германию, а после войны и всю Западную Европу. Малышев вызывался к Сталину в Кремль более ста раз, намного чаще, чем любой другой нарком или министр. Малышев был блестящим организатором именно в тяжелой промышленности и машиностроении, а не в легкой промышленности, как Косыгин. Но для руководства партией Малышев явно не подходил. Он был практиком, а не теоретиком. Тем не менее Малышев был введен в Президиум ЦК КПСС.

Большинство тогдашней советской элиты считало, что в СССР произошел сдвиг центра власти от партии к правительству. Это было связано с тем, что Сталин выполнял свои функции лидера страны и социалистического содружества прежде всего как Председатель Совета Министров СССР. Съездов ВКП(б) в первые послевоенные годы не было, пленумы ЦК ВКП(б) происходили крайне редко. Вся текущая работа велась главным образом правительством. Именно поэтому преемником Сталина стали считать кандидата на пост премьера, а не на пост лидера ВКП(б). На пост лидера ВКП(б) подходящих кандидатов вообще не было. Партийным лидером мог быть лишь идеолог, а не аппаратчик, марксистски и гуманитарно образованный человек. Среди людей, окружавших Сталина в Политбюро, такого человека не было. Принимая решение о созыве XIX съезда ВКП(б), Сталин, безусловно, хотел снова возвысить роль в стране именно партии и идеологии – это было важно для той политики конфронтации с капиталистическим миром, и прежде всего с США, которая не смягчалась, а усиливалась в послевоенные годы.

Возле Сталина в этот период, после ликвидации Вознесенского, фигурировали лишь два члена Политбюро, руководивших партийными, а не государственными делами, – Маленков и Хрущев. Но Хрущев не получил даже полноценного школьного образования. А Маленков был инженером. Д. Т. Шепилов, оказавшись в конце 1950 года по каким-то делам в кабинете Маленкова в здании ЦК на Старой площади, обнаружил странные перемены: «В его огромном кабинете я застал необычную для этих стен работу. Здесь были поставлены высокие с застекленными дверцами шкафы, и помощник Маленкова Н. Суханов устанавливал в них книги. На полках уже выстроились в ряд, должно быть, несколько сотен томов. Я увидел знакомые корешки сочинений А. Смита, Д. Рикардо, А. Сен-Симона и других... Приблизившись к шкафам, около которых я остановился, Маленков с каким-то виноватым видом сказал: “Вот, това-

⁵⁰ Исторический архив. 1994. № 2. С. 51–52.

рищ Сталин обязал политэкономией заняться. Как вы думаете, сколько нужно времени, чтобы овладеть этой наукой?»⁵¹

Сталину было в это время уже за 70, и он вряд ли мог ждать, когда Маленков прочитает даже небольшую часть этой библиотеки, укомплектованной для него библиографами из Высшей партийной школы и Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). Ждать Сталин не стал. Начиная реорганизацию партийного аппарата, он уже остановил выбор на человеке из собственной, абсолютно преданной ему команды людей, обязанных своим выдвижением в верхние эшелоны власти только Сталину и своей способности трудиться везде, куда их посылал Генеральный секретарь.

Главный хранитель культа Сталина

Основой культа того или иного политического лидера не может быть только террор и фальсификация истории, как это пытался доказать Хрущев в своем секретном докладе в 1956 году. Для культа все же необходимы реальные достижения исторического масштаба и, кроме этого, некоторые очень редкие психологические свойства личности, получившие название «харизма» (гр. *charisma* – божественный).

Этот термин был введен в оборот в политической литературе немецким социологом Максом Вебером в конце прошлого столетия, когда он постулировал, что авторитет законов и традиций отличается от авторитета харизматической личности. В настоящее время термин «харизматический лидер» сильно упрощен и применяется к любому просто популярному политику. В прошлом наличие харизмы признавалось лишь для людей, способных вызвать массовое поклонение и создать новые системы ценностей. Примерами таких людей служили Александр Македонский, Иисус Христос, Магомет, Наполеон, Ленин. Безусловно, харизматическим лидером был и Троцкий. Существует, однако, и псевдохаризматичность, которая создается не столько выдающимся интеллектом и особым талантом его проповеднического выражения, сколько усилиями пропаганды и сверхпропаганды. С помощью такой сверхпропаганды была создана харизматичность Гитлера и Сталина.

Именно пропаганда убеждала массы людей в наличии у них пророческих и гениальных способностей, которых в реальности они не имели. Безграничная власть таких людей основывалась на страхе, гарантированном аппаратом террора, и на искреннем поклонении масс, которое обеспечивалось эффективной пропагандой и абсолютной цензурой на любую критику. Именно поэтому для таких псевдохаризматических лидеров было важно иметь сверхнадежных людей прежде всего во главе репрессивной системы и во главе гипертрофированной системы пропаганды. При этом если во главе репрессивной системы эффективную роль могла выполнять лишь сверхаморальная, жестокая и беспринципная личность, хотя и не без организаторских способностей, то во главе гигантской машины пропаганды должен был стоять искренний фанатик, идеолог «учения» лидера, преданный ему бескорыстно. У Гитлера такими опорами режима были Гиммлер и Геббельс. У Сталина, с конца 1930-х годов, – Берия и Жданов.

С началом войны Жданов как первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) оставался в Ленинграде, как политический комиссар – до окончания блокады города в 1944 году. Поэтому в период войны всей идеологической работой в стране руководил Александр Щербаков, кандидат в члены Политбюро и секретарь ЦК ВКП(б). Щербаков был также первым секретарем Московского городского и областного комитетов ВКП(б). Управлением агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) в это время заведовал Георгий Александров, в то время профессор, а затем и академик. Щербаков, которому было присвоено звание генерала, возглавлял также Политуправление Красной Армии и руководил всей военной контрпропагандой. Он

⁵¹ Шепилов Д. Т. Воспоминания. С. 3.

оказался столь эффективным пропагандистом, что в Германии его стали называть «русским Геббельсом». Как самый молодой из приближенных к Сталину партийных лидеров (Щербаков родился в 1901 году), Щербаков считался очень перспективным работником. В мае 1945 года Щербаков неожиданно умер от инфаркта. (Его ранняя смерть в последующем также приписывалась неправильному лечению и вошла в «дело врачей».)

Именно смерть Щербакова привела к вызову Жданова в Москву и к передаче под его контроль всех идеологических проблем. Очень скоро возникла и необходимость освобождения Г. Ф. Александрова с поста руководителя отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). (Управление было переименовано в отдел Сталиным.) Это было связано не с политическими, а с моральными проблемами, объяснявшимися в особом «Закрытом письме ЦК ВКП(б)», разосланном в 1947 году по партийным организациям. На пост нового руководителя агитпропа Сталин лично рекомендовал Сулова.

После смерти Жданова Сулов возглавил всю идеологическую работу в стране, став секретарем ЦК ВКП(б) по проблемам идеологии. В 1949–1952 годах Сулов очень сильно расширил идеологическую империю, оставшуюся ему от Щербакова, Александрова и Жданова. Он оказывал на жизнь советского общества большее влияние, чем любой другой член Политбюро, кроме Сталина. Но в то же время Сулов предпочитал оставаться в тени. Непосредственно в Политбюро главным идеологом был Сталин. Однако все решения Политбюро по идеологическим вопросам мог реализовывать на практике лишь Сулов. Нельзя исключить и того, что за пределами Политбюро Сулов чувствовал себя в большей безопасности. Войдя в Политбюро с теми же функциями и обязанностями, какие были раньше у Щербакова и Жданова, Сулов сразу оказался бы вовлеченным в ту незаметную, но достаточно острую борьбу за власть, которая шла здесь между группами Маленкова – Берии и Хрущева – Булганина. Сталин также это понимал. Он, по-видимому, держал Сулова в «стратегическом резерве».

В 1948 году Сулову было лишь 46 лет. Он вступил в ВКП(б) в 1921 году, после двух лет комсомольской работы в одном из уездов Саратовской губернии. В 1922 году Сулов, имевший лишь начальное образование, приехал в Москву для учебы. Здесь он закончил рабфак, а затем и Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. После этого Сулов продолжил свое образование в Экономическом институте красной профессуры. В то время он не стремился работать в партийном аппарате, а занял должность профессора политэкономии в Московском университете и одновременно преподавал в Промышленной академии.

В 1931 году по решению ЦК ВКП(б) он был определен на работу в Центральную контрольную комиссию и как инструктор ЦКК участвовал в «чистках» партии в некоторых областях. В 1937 году Сулова направили в обком Ростовской области, где в 1938 году он становится одним из секретарей обкома. В 1939 году его переводят в Ставрополь, где избирают первым секретарем крайкома. В то время это был город Ворошилов Орджоникидзевского края. Старинное имя Ставрополь городу и краю вернули лишь после войны. Должность первого секретаря крайкома обеспечила избрание Сулова в ЦК ВКП(б). Во время войны Сулов был членом Военного Совета Северокавказского фронта и как секретарь крайкома принимал участие в выселении из Ставрополя мусульман-карачаевцев.

Депортация карачаевцев из Ставрополя в Среднюю Азию, начавшаяся 2 ноября 1943 года, была первой акцией выселения мусульманских народов с Северного Кавказа. Секретный Указ Президиума Верховного Совета СССР о ликвидации Карачаевской автономной области был принят 12 октября 1943 года. Хотя инициатива таких депортаций исходила от Сталина, а их техническое исполнение осуществлялось спецчастями НКВД, вся операция готовилась совместно с администрацией Ставропольского края. Это очевидно хотя бы из того, что одновременно с депортацией производилось переименование населенных пунктов и районов. Происходили и территориальные изменения. Северная часть Карачаевской автономии осталась

в Ставрополье, южная горная часть была включена в состав территории Грузии. Всего было депортировано 14 774 семьи – 68 938 человек⁵².

В период войны, особенно с 1943 года, Сталин стал активно проводить политику русского национализма. В этом отношении он мог полностью положиться на Сулова. Для старых большевиков, а также нерусских членов партийного руководства достаточно резкий поворот Сталина к русскому национализму не мог считаться в полной мере оправданным.

В 1944 году решением Политбюро Сулов был назначен главой специального Бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР. Задачей этого бюро была «советизация» Литвы и разгром литовских националистов. С 1944 года во всей Прибалтике, после освобождения ее от немецкой армии, шла гражданская война и партизанская война против Советской Армии. Сулов в этот период считался главным эмиссаром Сталина не только в Литве, но и во всей Прибалтике. Он устанавливал здесь советскую власть, и это сопровождалось массовыми репрессиями во всех слоях общества. Именно в этот период Сталин более близко познакомился с Суловым и достаточно объективно оценил его способности и преданность. В Литве Сулов проработал до конца февраля 1946 года. После этого в течение двух лет он выполнял секретные миссии Сталина, о характере которых известно очень мало. В двух-, а затем и в трехтомном собрании речей, докладов и статей Сулова, изданных уже в 1970-х и в начале 1980-х годов, можно обнаружить, что после речи в Вильнюсе 1 февраля 1946 года Сулов нигде не выступал до 21 января 1948 года, когда неожиданно он был удостоен особой чести подготовки доклада к 24-й годовщине смерти Ленина. В двух наиболее подробных биографиях Сулова, опубликованных в России и на Западе, нет практически никаких данных о характере заданий Сулова в период с 1946 по 1948 год⁵³. Между тем Сулов вызывался к Сталину в Кремль 6 раз в 1947 и 20 раз в 1948 году.

Именно в этот период Сулов стал предметом внимания советологов и западных разведывательных служб. Исследовательские отделы ЦРУ и их отделения при радио «Свобода» в Мюнхене анализировали контекст каждого упоминания имени Сулова в советской прессе и его положение среди других лидеров на фотографиях разных торжеств. Эта технология оценки относительного влияния тех или иных лидеров в СССР существовала давно, но к Сулову начали присматриваться лишь с 1946 года. Он тогда оценивался как 18-й по рангу. В 1947 году на основе анализа фотографий советских лидеров, прибывших на сессию Верховного Совета РСФСР, опубликованных 21 июня, Сулов был передвинут уже на 12-е место. Он стал первым сразу за одиннадцатью членами Политбюро. Было известно, что Сулов в марте 1946 года был избран в Оргбюро ЦК ВКП(б), состоявшее тогда из 15 человек. При этом Сулов в этот период находился не в штате идеологического, а в штате Общего отдела ЦК ВКП(б). Это, по существу, все, что удалось узнать о Сулове западным разведывательным службам.

Столь большой интерес к Сулову проявлялся потому, что по косвенным данным западные аналитики приходили к выводу о том, что после Литвы Сулов стал секретным эмиссаром Сталина по советизации одной из ключевых стран Восточной Европы, предположительно Венгрии или ГДР, или их обеих. Именно в этот период в Восточной Европе происходил насильственный переход от многопартийной к однопартийной «советской» модели управления, и опыт Сулова в Прибалтике очень пригодился. Работа велась в основном в условиях секретности, и поэтому никто из хорошо известных членов Политбюро не мог ее выполнять. Сулов также был причастен к созданию Коминформа. По косвенным данным известно, что Сулов в этот период пытался как-то уладить начинавшийся конфликт с Югославией.

⁵² Национальные репрессии в СССР, 1919–1952 годы. Т. 1. М.: Инсан, 1993. С. 260–262.

⁵³ Медведев Р., Ермаков Д. Серый кардинал. М.: Республика, 1992; Petroff Serge. The Red Eminence. A Biography of Mikhail A. Suslov. Clifton; N. J.: The Kingston Press, 1988. P. 114.

Суслов полностью сосредоточился на идеологической работе только после смерти Жданова. Став единственным секретарем ЦК по идеологии, Суслов сильно расширил сферу своего влияния. В его отдел перешло даже Политуправление Красной Армии, возглавлявшееся во время войны членом Политбюро А. С. Щербаковым. В сферу влияния Суслова вошли отношения СССР с другими странами социалистического блока и все области цензуры. Все образование, культура, пресса, издательства, радио, телевидение, даже история были под его контролем, всего не перечислить. Суслов стал главным дирижером «холодной войны». Несмотря на то что влияние его на жизнь всей страны было намного выше влияния таких членов Политбюро, как А. А. Андреев, К. Е. Ворошилов или Л. М. Каганович, Суслов не выдвигался даже в кандидаты Политбюро. Судя по всему, Суслов предпочитал власть и влияние внешним почестям и славе. Он имел большую устойчивость вне Политбюро. В борьбе за реальную власть у него был в Политбюро сильный союзник, сам Сталин. Двум идеологам в одном Политбюро было бы тесно. Но старший идеолог, каким был Сталин, готовился уступить свое место младшему, когда понял, что его собственное время подходит к концу.

После смерти Сталина Суслов остался на своих основных постах в аппарате ЦК КПСС. В 1956 году именно он был послан как политкомиссар от ЦК КПСС в Венгрию, чтобы дополнить военную интервенцию созданием нового политического руководства и восстановить венгерскую компартию. В конфликте Хрущева с Маленковым Суслов поддерживал Хрущева, так как считал Маленкова большей опасностью для будущего страны. Но в конечном итоге именно Суслов начал осторожно готовить смещение самого Хрущева. Доклад о культе личности Сталина сделал в 1956 году, как мы знаем, Хрущев. Он решился на это, конечно, только после смерти Сталина. Доклад о культе личности Хрущева, что известно далеко не всем, сделал в октябре 1964 года именно Суслов. Этот доклад произносился на расширенном заседании Президиума ЦК КПСС в присутствии Хрущева. После отставки-смещения Хрущева критика Сталина была практически прекращена. Советская империя снова начала расти, в основном за счет стран в Азии, Африке и Южной Америке.

После смещения Хрущева в октябре 1964 года избрание лидером КПСС именно Брежнев не считалось окончательным. Как политический деятель Брежнев не был крупной фигурой, и его деловые качества были ограниченными. Но Брежнев не обладал властолюбием, был предсказуем и дружелюбен в отношениях с коллегами. Он не любил острых конфликтов. Председателем Совета Министров СССР стал Алексей Косыгин, и Брежнев почти не вмешивался в его работу. Он плохо разбирался и в идеологических проблемах и вообще не был человеком, способным к систематической и упорной работе. Хотя Брежнев вскоре вернул Президиуму ЦК КПСС прежнее название «Политбюро» и восстановил для себя пост Генерального секретаря, практическое руководство аппаратом ЦК КПСС осуществлял теперь именно Суслов. В 1969 году, в связи с 90-летием со дня рождения Сталина, Суслов осуществил ряд мер по фактической реабилитации Сталина.

В течение всего последующего периода, до своей смерти в начале 1982 года, Суслов был вторым человеком в партийной иерархии КПСС, получив неофициальный титул «главного идеолога КПСС». Поскольку Советский Союз был идеологическим государством, то именно Суслова можно считать идеологическим лидером СССР в течение всего периода после отставки Хрущева. Именно аскетичный и незаметный Суслов, а не более жизнелюбивый Брежнев или прагматичный Косыгин, определял крайне консервативный курс политики СССР с конца 1960-х до начала 1980-х годов. Обозначение «период застоя» относится в основном к культурно-идеологической и научно-технической областям в жизни общества, а не к экономике. Уровень жизни населения страны рос достаточно активно и в 1970-е годы – это была заслуга умеренно реформаторской деятельности очень компетентного премьера Алексея Косыгина. В то же время духовная жизнь страны деградировала, политические репрессии против «диссидентов» были возобновлены, и в международной политике коммунизм стал усили-

вать агрессивные тенденции. Усилился контроль и за странами Варшавского Договора, особенно за Польшей. Для этого была создана «комиссия Суслова». Весь этот идеологический консерватизм был «заслужен» Суслова. Он сумел добавить сталинизму еще около 20 лет активной жизни после смерти самого Сталина.

Суслов умер 25 января 1982 года. После смерти ему были оказаны такие похоронные почести, которые до этого были оказаны лишь Сталину. Брежнев не пытался скрыть слезы. Он знал, кто именно был после смерти Сталина тайным Генсеком КПСС. Но сам Суслов, к счастью, не оставил после себя ни тайных, ни явных наследников.

Личный архив Сталина. Засекречен или ликвидирован? Факты и гипотезы

Архивы Ленина и Сталина

Архив Ленина, состоящий из лично им написанных резолюций, записок, писем, статей, заметок и множества подписанных Лениным распоряжений, директив, проектов и решений, хранится во многих тысячах папок специального образца. Каждый оригинал сохраняется в условиях, защищающих его от действия сырости и света. Большая часть всех этих тщательно сохраняемых ленинских документов была уже опубликована в Собраниях сочинений Ленина и в «Ленинских сборниках» и воспроизведена в микрофильмах и фотографиях. Существует и архив неопубликованных документов Ленина, которые по тем или иным причинам было решено считать секретным фондом. Однако и этот фонд начал рассекречиваться с 1991 года, в связи с чем была написана новая биография Ленина с использованием ранее неизвестных документов⁵⁴, две книги-монографии с анализом в прошлом закрытых материалов⁵⁵ и десятки статей и очерков, посвященных различным эпизодам Октябрьской революции, Гражданской войны, нэпа и последним годам жизни Ленина, которые, с открытием для историков всего объема архивов Ленина, можно понять лучше или иначе, чем раньше.

Революция в России и роль Ленина в создании СССР – это события мировой истории. Октябрьская революция была главным и самым важным по своим последствиям социально-политическим потрясением XX века. Никто, очевидно, не будет оспаривать и того, что превращение СССР в супердержаву и появление двухполярного мира, разделенного по многим политическим и экономическим принципам, было, в первую очередь, связано с деятельностью Сталина. Другие лидеры, от которых зависели судьбы людей в минувшем столетии, – Гитлер, Мао Цзэдун, Рузвельт, Черчилль, Ганди, Тито, Хомейни, Мандела – стоят уже в следующем ряду, так как их влияние имело не всемирный, а региональный характер.

Многополярный мир, который существовал до окончания Второй мировой войны, был в высшей степени конфликтным и неустойчивым. Колониальный империализм, коммунизм, фашизм, милитаризм, расизм в форме апартеида, практиковавшийся не только в Южной Африке, но и в южных штатах США и в Австралии, не были системами, созданными для защиты прав человека. Биполярный мир, возникновение которого явилось следствием развития СССР, также не был идеальным. Но он все же не омрачился мировыми войнами.

В настоящее время, после окончания эпохи двухполярности, наступает не однополярность, а так называемая глобализация, процесс формирования единого человеческого сообщества, в котором объединительным фактором служит не идеология, а экономика. Человеческий мир в результате этого процесса, который будет очень медленным, должен превратиться из системы постоянных конфликтов в систему постоянных компромиссов. Среди них главным становится компромисс между потребностями людей и возможностями окружающей среды, природными ресурсами нашей планеты.

Говоря о таких личностях, как Ленин и Сталин, невозможно адекватно определить, сыграли ли они в судьбе человечества отрицательную или положительную роль. Они сыграли исто-

⁵⁴ Волкогонов Д. Ленин: В 2-х т. М.: Новости, 1994. В 1996 году Волкогонов опубликовал еще одну краткую биографию Ленина на основе дополнительных архивных материалов: Волкогонов Д. Вожь первый: Владимир Ленин // Семь вождей. Кн. 1. М.: Новости, 1996. С. 21—162.

⁵⁵ Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М.: МАПТ, 1996; Richard Pipes (Editor). The Unknown Lenin. New Haven; London: Yale Univ. Press, 1996.

рическую роль. Советский Союз не был аномалией исторического развития. Это был шаг вперед из того тупика, в который завела мир Первая мировая война. Советский Союз не был «побежден» Западом, он постепенно «растворился» в новой системе международных отношений.

Историки при анализе режима, созданного Сталиным, чаще всего сравнивают его с диктатурой Гитлера. Это неправомерно. Исторический «портрет» Сталина можно сравнивать лишь с историческим «портретом» Ленина. Но если Ленина как личность историки могут изучить с максимальной полнотой, то в отношении Сталина сделать то же самое, к сожалению, невозможно. Полноценного единого архивного фонда Сталина, сравнимого с фондом Ленина, просто не существует. Его нельзя воссоздать и в будущем, так как значительная часть бумаг Сталина была просто уничтожена его политическими наследниками. Была ликвидирована не только большая часть рукописных документов Сталина, но и часть его личного архива.

Развитие именно ленинизма и традиций революции было основой политической легитимности Сталина. Он старался опираться на Ленина в течение всей своей жизни. Именно поэтому все документы Ленина собирались и хранились столь бережно, почти религиозно. Эпоха Сталина в СССР состояла из сложного переплетения социально-экономических и политических достижений, военных поражений и еще более внушительных побед и из непрерывной борьбы за власть с применением индивидуального и массового террора. Преступления Сталина, о которых написано много книг, являлись преступлениями всего сталинского режима. Они совершались коллективно. Соратники Сталина, сгруппированные в Политбюро, Оргбюро, Секретариат и в ключевые для власти системы государственной безопасности, были одновременно и сообщниками Сталина в осуществлении всех репрессивных кампаний.

После смерти Сталина легитимность пришедших ему на смену лидеров определялась в общественном сознании народа именно тем, что они были его ближайшими соратниками. Однако его преемники были готовы разделить ответственность за все достижения сталинского периода, но хотели в то же время отмежеваться от его преступлений. Доказательств участия самого Сталина в массовых репрессиях не требовалось. Его роль и его вина были очевидными. Но как вождь и диктатор, уже ушедший из жизни, он мог ждать лишь приговора истории. Участие в преступлениях сталинизма ближайших соратников вождя, за исключением Берии, было менее очевидным и отраженным в основном в секретных архивах партийных органов и в архиве самого Сталина. Круговая порука, о которой Сталин всегда заботился, фиксировалась в основном в документах. Создавшаяся после смерти Сталина политическая ситуация, вместе с борьбой за власть между его преемниками, способствовала тому, что никто из них не хотел, чтобы личные документы Сталина и его архив стали такими же объектами «религиозного» почитания, которого был удостоен архив Ленина. Вслед за архивом Сталина был частично ликвидирован и архив Берии, вместе с ним самим. Новые лидеры Советского Союза постарались обеспечить себе историческое алиби.

Косвенные данные о ликвидации личного архива Сталина

Открытие ранее секретных партийных и государственных архивов, начавшееся в 1989 году и стремительно ускорившееся после распада СССР, привело к их изучению и систематизации не только отечественными, но и зарубежными историками. Вспышка международного интереса к этим архивам определялась не одним лишь переносом их из закрытых в открытые фонды, но и их политической актуальностью, надеждой найти при их изучении объяснение событий, которые еще живы в памяти современного поколения. Несколько британских и американских университетов и библиотек приняли активное участие в разборе и систематизации этих архивов, их микрофильмировании и в создании описей документов.

В течение нескольких лет этой работы были созданы специализированные фонды по наиболее важным событиям и персоналиям и стали доступными для исследователей протоколы всех заседаний Политбюро с 1919 до 1940 года. Были рассекречены и систематизированы архивы НКВД-МВД и некоторых других наркоматов и министерств. Эта работа, которая будет, очевидно, продолжаться еще много лет, привела к выделению материалов в самостоятельные архивные собрания и фонды документов о деятельности многих ключевых фигур Октябрьской революции и Советского государства: Л. Д. Троцкого, Г. К. Орджоникидзе, М. И. Калинина, С. М. Кирова, А. А. Жданова и многих других. В форме микрофильмов, которые могут купить библиотеки и отдельные исследователи, доступны в настоящее время архивные фонды и тех выдающихся деятелей российской истории, которые не входили в большевистскую партию: Ю. О. Мартова, П. Б. Аксельрода, Веры Засулич, Г. В. Плеханова и других. Формируются архивные фонды и жертв сталинского террора, причем не только политиков и военных, но и деятелей культуры, науки и литературы. Большая часть таких архивных собраний возникает не как результат разборки секретных «досье» работниками самих архивов, а целенаправленно формируется заинтересованными исследователями и авторами биографий. Вокруг вновь собранных архивных фондов отдельных выдающихся людей создаются небольшие музеи-библиотеки (музей П. Л. Капицы, музей А. Д. Сахарова, музей Михаила Булгакова, музей Н. И. Вавилова и других). Происходит, по существу, переосмысление нашей национальной истории, которая в прошлом была не просто искажена, а тотально фальсифицирована. Этому способствует и отмена цензуры.

К сожалению, эта реставрация отечественной истории не может быть полной по той простой причине, что важнейшая часть архивов и документов многих выдающихся людей, прежде всего из числа репрессированных, была уничтожена. Аресты любого политика, писателя или ученого сопровождалась конфискациями их личных архивов. По окончании следствия большая часть документов, не включенная в следственное дело, не возвращалась родственникам, а подвергалась уничтожению.

Уничтожение документов происходило обычно путем их сожжения. Горели романы, рукописи книг, дневники, альбомы фотографий, письма и уже изданные книги с пометками на полях. По делу академика Николая Ивановича Вавилова лейтенант государственной безопасности А. Кошелев и его начальник старший лейтенант А. Хват сожгли 90 записных книжек и блокнотов, в которых ученый записывал наблюдения и детали своих ботанико-географических путешествий для сбора культурных растений со всего мира, карты распространения разных растений и несколько рукописей незаконченных книг. Пошли в огонь и многие другие материалы Вавилова, которые следователи НКВД признали «не имеющими ценности»⁵⁶. Имелось в виду безусловное отсутствие их ценности для обвинений. Парадоксальным в этой практике уничтожения документов истории является то, что ее жертвой оказался в итоге и сам Сталин.

С 1934 по 1953 год Сталин большую часть времени жил и работал в своей загородной резиденции в Кунцево, которую было принято называть «ближней» дачей. Построенная по специальному проекту, эта дача Сталина имела около 20 комнат, оранжереи, солярий и множество вспомогательных помещений для охраны и обслуживающего персонала. Сюда, на дачу, Сталин перенес и большую часть своей библиотеки. В кремлевском кабинете Сталин начинал свой рабочий день вечером с просмотра официальных бумаг, а затем в течение нескольких часов беседовал с вызванными им людьми, проводил совещания и обсуждал различные проблемы с членами Политбюро.

⁵⁶ Знания, брошенные в огонь // Вестник Российской АН. Т. 66.1996. № 7. С. 625–635.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.